

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С б о р н и к 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

З. И. ГОРБАЧЕВА, Н. А. ПЕТРОВ, Г. Ф. СМЫКАЛОВ
Б. И. ПАНКРАТОВ

РУССКИЙ КИТАЕВЕД
АКАДЕМИК ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ВАСИЛЬЕВ
(1818—1900)

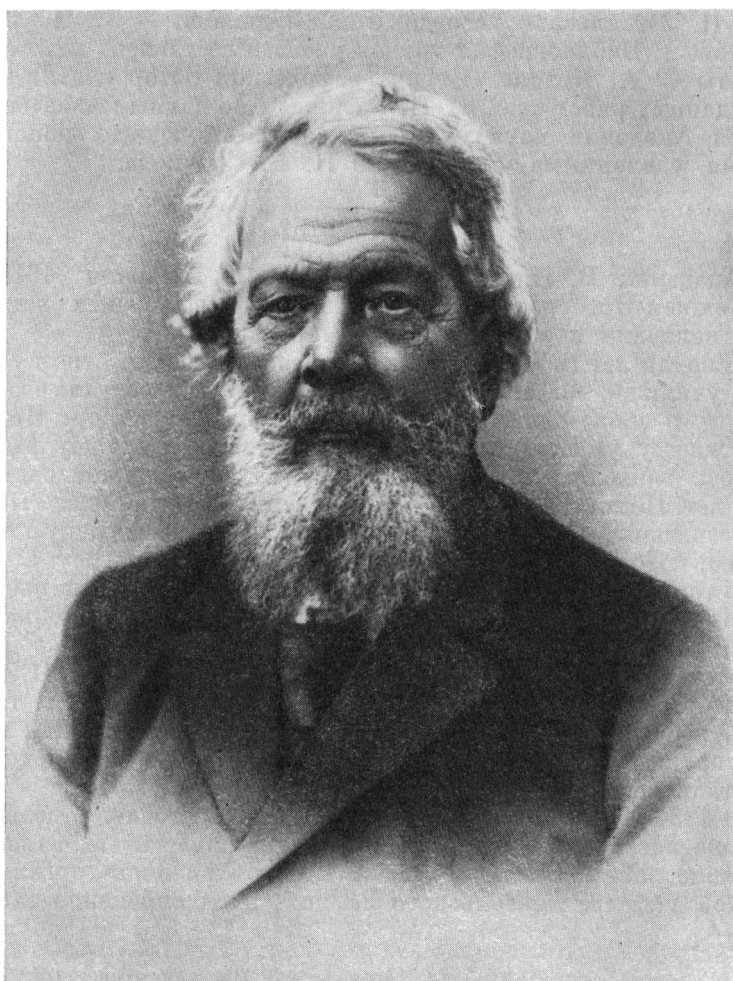
Академик В. П. Васильев по праву занимает одно из виднейших мест в ряду русских ученых XIX в. Он принадлежит к той их плеяде, которая заложила основы отечественной науки в различных ее отраслях.

Работая в области востоковедения, В. П. Васильев, многое сделал для дальнейшего развития научного китаеведения, начало которому положил блестящий знаток Китая Н. Я. Бичурин. Дальнейшая судьба этой отрасли востоковедения неразрывно связана с именем В. П. Васильева, и его имя навсегда вписано в историю русской науки.

Основываясь на тщательном изучении жизни и деятельности В. П. Васильева, его трудов, как изданных, так и неопубликованных, авторы данной работы делают скромную попытку дать впервые наиболее полную биографию В. П. Васильева, а также показать значение для востоковедения всех его трудов, вскрыть взгляды ученого на основные вопросы китаеведения, руководствуясь известным положением В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

Предлагаемая работа представляет собой коллективный труд. «Введение» написано З. И. Горбачевой и Н. А. Петровым, «В. П. Васильев как филолог», и «В. П. Васильев в С.-Петербургском университете» — Н. А. Петровым, «В. П. Васильев

¹ В. И. Л е н и н. К характеристике экономического романтизма Соч., т. 2, стр. 166.

Академик
В. П. Васильев

как историк» и «Школа В. П. Васильева» — З. И. Горбачевой, «В. П. Васильев — географ Китая» — [Г. Ф. Смыкаловым], «В. П. Васильев — исследователь буддизма» — Б. И. Панкратовым. Библиография трудов ученого составлена на основе работы С. А. Козина «Библиографический обзор изданных и неизданных работ акад. В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР», с соответствующими дополнениями, сделанными при участии П. Е. Скачкова.

ВВЕДЕНИЕ

Академик В. П. Васильев родился 20 февраля 1818 г. в Нижнем-Новгороде¹ и был «из обер-офицерских детей», как записано в его формулярном списке².

С шести лет В. П. Васильев обучался в трехклассном уездном училище, по окончании которого отец определил его на работу в нижегородский уездный суд переписчиком. Но по вышедшему указу 1827 г. на государственную службу разрешалось зачислять только с 14 лет, а самую службу считать с 16 лет. Поэтому его вновь отдали в 3-й класс училища, «чтобы не бездельничал»³. В 1828 г. он перешел в Нижегородскую гимназию, которую и закончил в 1832 г. 14 лет.

В том же 1832 г. умер его отец. Но еще при жизни отца все же было решено, ввиду незаурядных способностей маленького Васи, дать ему высшее образование. В Университет же принимали только с 16 лет. Поэтому до поступления В. П. Васильеву, пришлось два года заниматься «кондициями», т. е. быть репетитором. Из получаемых денег он ежемесячно, как и старшие братья, отдавал матери свою долю на расходы, а остальное копил для будущей учебы в Университете⁴.

В 1834 г. В. П. Васильев поступил на Восточное отделение филологического факультета Казанского университета, изъявив желание заниматься монгольским языком на вновь организованной кафедре монгольского языка⁵, и одновременно татарским⁶.

¹ Гос. ист. архив Лен. обл. ф. 14, оп. I, № 5501 (в дальнейшем ГИАЛО).

² Там же.

³ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, СПб., 1895, IV, отд. II, стр. 150.

⁴ Там же, стр. 151.

⁵ Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском Университете до настоящего времени. Казань, 1842, стр. 17 (далее: Обзорение).

⁶ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть

В университетские годы будущий ученый терпел материальные лишения. В своей автобиографии он писал: «Наконец, я в Казани в Университете. Как я обивал тогда каждый день пороги у ректора (Н. И. Лобачевского), прося, чтобы меня приняли на казенный счет!... а мое заявление, чтоб Общество вспомоществования студентов позаботилось прежде всего не о ссуде ищущих денег на кутежи, а о найме квартиры для приехавших в первый раз и без средств поступивших на 1-й курс студентов, так и осталось без внимания. Нам надобно помогать тем, которые будут вспоминать с благодарностью о помощи... Более 100 тысяч уже потратило общество. Тысяча студентов нашли бы обеспечение в умном распоряжении такой суммой. Ну, так как же, можно дать голые стены, да много щи с черным хлебом. А о том, что многим приходилось спать в шкапу на полке, жить в углу, наниматься чуть не в дворники (в певчие попадали уже аристократы из бедняков!) об этом не думают!»¹.

В то время кафедрой монгольской словесности заведовал известный монголовед О. М. Ковалевский, под руководством которого работал и В. П. Васильев. Влияние О. М. Ковалевского сказалось на формировании научных интересов и политических взглядов В. П. Васильева. «... Моим развитием, — писал он, — проявлением моих оригинальных взглядов в науке и государственности, я обязан профессору поляку (Осипу Михайловичу Ковалевскому)! Его слова: не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом, подвергать критике *sine ira et studio* совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий»².

С 1835 по 1839 г. В. П. Васильев жил вместе с забайкальским бурятским ламой Гэцулом Галсаном Никитуевым, который помог ему овладеть разговорным монгольским языком, так что он говорил на нем свободно, как настоящий монгол³. Одновременно он начал заниматься и тибетским языком, в котором приобрел достаточные познания⁴.

16 июня 1837 г. В. П. Васильев закончил университетский курс и после защиты кандидатской диссертации на тему «Дух

века его существования». СПб., 1896, т. I, А—Л, стр. 125 (в дальнейшем «Биографический словарь»).

¹ С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 150.

² Там же, стр. 154.

³ П. Мельников. Первый магистр монгольской словесности, «Отечественные записки», т. IX, 1840, стр. 16; «Обозрение», стр. 23.

⁴ П. Мельников. Указ. соч., стр. 17.

буддийского сочинения «Хутухту Декгеду Алтан Герельту Судур-ногодун Эркету Хаган» и получения звания кандидата монгольской словесности был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию.

По совету своего учителя О. М. Ковалевского В. П. Васильев занялся изучением чрезвычайно сложных и совершенно неразработанных в то время вопросов идеологии Востока, в частности буддизма. Сам О. М. Ковалевский имел хорошую философскую подготовку¹ и занимался исследованием буддизма, написал по этому вопросу несколько научных трудов². Характер научных интересов В. П. Васильева диктовался также тем, что востоковедение ставило перед собой одну из задач — изучение идеологий Востока и главным образом буддизма, имевшего в Азии большое количество последователей.

В. П. Васильев, обладавший к этому времени значительными познаниями в философии вообще, основательно занялся изучением буддизма по монгольским материалам и источникам, которыми располагал Казанский университет, и через два года, в 1839 г., написал и защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии»³.

Защита диссертации на звание магистра монгольской словесности в то время явилась событием из ряда вон выходящим. По случаю этого в «Отечественных записках» появилась статья П. Мельникова «Первый магистр монгольской словесности», в которой он писал: «23 декабря 1839 года в 12 часов дня В. П. Васильев защитил магистерскую диссертацию. Это неслыханное на Руси защищение диссертации на степень магистра монгольской словесности»⁴. Несколько позже он получил звание магистра татарской словесности⁵.

Своими способностями В. П. Васильев обратил на себя внимание попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина. Благодаря ходатайству последнего, В. П. Васильев получил по окончании университета за отличную учебу единовременную награду в 300 руб. и был намечен к поездке в Китай. Эта поездка связывалась с предполагавшимся открытием в Ка-

¹ Władysław Kotwicz. Józef Kowalewski-orientalista (1801—1878), Wrocław, 1948, str. 25.

² «Буддийская космология». Казань, 1837; и «Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч» (перевод), Казань, 1834.

³ Обе диссертации В. П. Васильева находятся в Архиве АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 1 и 2.

⁴ «Отечественные записки», т. IX, 1840, стр. 16—18.

⁵ В. М. Алексеев. Проф. В. П. Васильев. Газета «Речь» от 20/IV 1910; «Биографический словарь», стр. 125.

занском университете новой кафедры тибетского языка, которую должен был занять В. П. Васильев.

27 ноября 1839 г. В. П. Васильев был зачислен в состав Русской духовной миссии в Пекине ¹.

До отъезда в Китай В. П. Васильев должен был углубить свои познания в области буддизма, для чего он был послан в Хошеутовский улус с целью изучения северного буддизма. С 1837 г. В. П. Васильев усердно занялся изучением китайского языка у преподавателя Университета Даниила Сивиллова ².

В. П. Васильеву также было поручено в качестве специального задания — изучить в Китае тибетский и китайский язык и санскрит. Министерство народного просвещения надеялось «получить в лице В. П. Васильева отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии». Одновременно с этим в особом наставлении, данном В. П. Васильеву перед отъездом в Пекин, ему поручалось выполнение ряда заданий, имевших лишь косвенное отношение к специальности, вроде сбора «семян, сухих растений, зверей, птиц, насекомых, минералов и проч. для музеев Университета». Ему также поручалось «обратить внимание на китайское земледелие и промышленность, приобрести для Университета модели разных орудий земледельческих и других, употребляемых китайцами, и вообще приобретать вещи и изделия, в которых более или менее проявляется художническое искусство китайцев».

В этот период В. П. Васильев был восторженным юношей, полным энергии, сил, энтузиазма. В своем дневнике он писал: «У меня многое на уме, но, дай бог, исполнить и десятую часть; дай бог, хоть выпить кашлю из чаши отрады».

Буддизм со своей историей, которая увлекает историю народов его принявших и ему противоборствующих, его развитие в частностях, родство с другими религиями, а следовательно,

¹ В. П. Васильев отправился в Китай в составе XII Духовной миссии в Пекине. Учрежденная в 1728 г., согласно Кяхтинскому договору с Китаем, Русская Духовная миссия до 1850 г. меняла свой состав каждые десять лет, а с 1850 г. — каждые пять лет. На обязанности членов миссии лежала пропаганда христианства среди китайцев. Для изучения китайского языка и страны к миссии приписывали учеников от Азиатского Департамента. Магистр В. П. Васильев, посланный Казанским университетом, был поставлен на положение такого же ученика, хотя считался «кандидатом миссии».

² Даниил Сивиллов, состоявший членом X Духовной миссии, руководил кафедрой китайского языка в Казанском Университете со времени ее организации (1837).

их сущность, влияние его на литературу и науку, на политическое состояние государства. . . языки, на которых излагалось это учение, старый и новый тибетский, язык божества Тарни — вот обширный предмет, который я себе начертил. Этого мало: мне хочется присоединить сюда Китай с его историей и светской литературой, пролить свет на спорные пункты Средней Азии, познакомиться с языками маньчжурским, корейским, туркестанским. . .»¹

Таковы были широкие планы, которые начертил себе молодой В. П. Васильев.

5 января 1840 г. В. П. Васильев выехал в Китай, напутствуемый советами О. М. Ковалевского быть беспристрастным в науке, не быть ни «китайским патриотом», ни «китаененавистником».

Начался второй период жизни В. П. Васильева — пекинский. Материалов, характеризующих этот период, пока не обнаружено, за исключением дневников ученого, которые он вел в Пекине, да нескольких его высказываний в автобиографии, где он время пребывания в Пекине называл своей школой: «3 года — в уездном училище (1825—28), 4 — в гимназии (1828—32), 3 — в Университете, итого 10 лет. И тоже более 10 лет (29 ноября 1839 года зачислен, 5 января 1840 года выехал из Казани, 17 сентября 1850 года воротился в Казань) был в другой школе, и называли ее более ста лет Пекинской Духовной миссией. . .»²

Дневники ученого, хранящиеся в архиве, являются ценнейшим источником, характеризующим обстановку в миссии, положение ее членов, они дают представление о мыслях и настроениях В. П. Васильева, его научных интересах и т. п., дневники сохранили высказывания молодого ученого по ряду проблем и вопросов научного характера. 24 июля, по выезде из Кяхты, В. П. Васильев писал: «Мы выехали из Кяхты как было назначено 21/VII. Как можно забыть этот день, священный для всякого, кто принужден оставлять на такой продолжительный срок милое отечество! В душе пробегали тысячи разнородных ощущений, робость и грусть сменялись попеременно; то предавался я пылким надеждам, передо мной стоял новый мир, с которого мне казалось, надобно сорвать завесу, то сердце сжималось, когда я бросал взгляд на все, что оставлял за собой»³.

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед.хр. 38/2. «Пекинские дневники», запись от 3.IX 1840 г.

² С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 151.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2..

В октябре 1840 г. В. П. Васильев прибыл в Пекин, в Духовную миссию. Надо заметить, что обстановка в миссии была нелегкой. Многое зависело от начальников миссий, которые зачастую не соответствовали своей должности. Некоторые из них препятствовали занятиям приписанных к миссии учеников.

Именно таким и был архимандрит Поликарп Тугаринов, начальник XII миссии, с которой выехал Васильев. С первых же шагов, предпринятых для создания необходимых условий для занятий, В. П. Васильев встретил противодействие со стороны архимандрита, что привело его в отчаянье. 24 октября 1840 г. он записал в дневнике: «Неужели меня, в самом деле, постигла судьба Сосницкого ¹, в комнате которого я помещен? Бедняжка был в совершенном угнетении от Вениамина (начальника XI миссии), безусловно, покорялся его прихотям, часто голодал, был руган и миссионеры сказали, что когда они приехали сюда, то нашли его изможденного, худого...» ²

Позднее, рассказывая в своей автобиографии о деятельности миссии, В. П. Васильев писал: «Там, все попавшие находились в полной зависимости от ее начальника, о. архимандрита. Не весело было никому, а мне особенно. Меня, конечно, тут уже не секли, не били, но бывает нечто худшее: притеснения, унижения. Казанский Университет давал мне денег на ученые занятия. Азиатский департамент, от которого зависела миссия, потребовал общего представления архимандрита — что, дескать, это будет за самостоятельность? — чтоб я не смел без его разрешения и ведома распоряжаться хоть копейкой. . . Прочие члены все выбраны им, все принадлежали к Азиатскому департаменту, одного меня втерли в миссию, против желания департамента и архимандрита: понятно, как тот, так и другой будут стараться доставить мне возможность заниматься, в какой обстановке они выставляют меня пред китайцами!» ³

Каждый шаг В. П. Васильева в получении знаний был сопряжен с преодолением огромных препятствий. И тем не менее В. П. Васильев ради знаний был готов терпеть все невзгоды, все унижения. В черновике письма из Китая, адресованном «О. М.» (очевидно, Ковалевскому. — *Авт.*), он писал: «Может быть во мне и просвечивает гордость быть повыше солдата или слуги архимандрита, но, право, для меня все равно за кого-бы

¹ А. И. Сосницкий выехал в составе XI Российской Духовной миссии в Пекин, где пробыл до 1840 г. По возвращении в Россию был надзирателем при Казанской гимназии для практического преподавания китайского языка.

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

³ С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 156.

меня ни выдавали, ни принимали, если бы я только мог хоть под нищенской формой иметь доступ к полезным мне лицам. . . Посудите же каково мне — когда я по сю пору не имею тибетского учителя. И когда простой солдат приставлен мне преподавателем китайского, что я могу сделать сам, через кого я могу начать что-нибудь отстаивать, когда мы все живем в совершенном отчуждении от всех»¹.

Судя по записям в дневнике, В. П. Васильев в течение первых трех лет пребывания в Пекине не мог получить учителей тибетского и китайского языков. Присылаемые не раз архимандритом, они не могли удовлетворить даже минимальных запросов ученого. Со стороны как самого начальника миссии, так и большинства ее членов В. П. Васильев подвергался унижениям и издевательствам. За ним устанавливался унижительный надзор и контроль в оплате учителей, его принуждали незаконно оплачивать стол учителям и насчитывали лишнее за топливо и освещение и многое другое.

Такая обстановка налагала глубокий отпечаток на характер В. П. Васильева. Восторженный юноша превращался в пессимиста. Часто, особенно в первый год пребывания в Пекине, встречаются в дневнике записи такого содержания: «Как скучно, поверхностно у нас»; «Часто приходят минуты ужаснейшей тоски, не хочется ни за что приниматься, ни о чем думать»; «Как я изменился, ослабел, куда девался пылкий жар юноши, всеобъемлющий взгляд на вселенную. Я плетусь кое-как около, не сумею владеть мыслию, она скользит по предметам, но не так как прежде. . . и не приносит в сознание ни одной связной картины; даже боюсь пуститься в обсуживание чего-нибудь»².

Не раз В. П. Васильева охватывало отчаяние от того, что он видел всю бесплодность борьбы за свои права в окружающей его среде. Вспоминая это тяжелое время, он говорил: «Меня никогда не оставляло ужасное предчувствие, что все мои планы рушатся, что мне не видать счастливого конца, желанного берега, к которому я стремился»³.

В. П. Васильев в первый год в Пекине мечтает только об одном — уехать из Пекина в Россию, бросить все свои мечты о науке. «Неужели я не могу еще смотреть на выезд, как на совершенное блаженство, неужели еще что-нибудь может меня привлечь к этому месту!»⁴

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 13.

² Там же, ед. хр. 38/2.

³ «Богословский вестник», № 7, 1844. Письма Горского родным.

⁴ Архив АН СССР, ф. 755, оп. 1, ед. хр. 38/2.

Позднее о своем пребывании в Пекине он писал: «Большие тяготы приходилось тогда выносить мирянину, увлекшемуся любознательностью, он должен был на 10 лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии, подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования»¹. . . «И вот я десять лет горел внутренним огнем, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботным, веселым, что может быть тяжелее того унижения, которое высказывается признанием!»²

Но тем не менее упорство, настойчивость и твердость характера В. П. Васильева дали ему возможность изучить в Китае обширнейшие материалы по буддизму в Тибете, Индии и Китае, собрать и изучить огромное количество материалов почти по всем вопросам китаеведения.

«Иначе я взглянул на буддизм, иначе на историю Китая, на его литературу, создав особую методику преподавания китайских иероглифов. . . Все это — оценка будущего»³.

Таким образом, годы пребывания в Китае имели большое значение для формирования ученого. Там определился круг его научных интересов, и из монголоведа, буддолога, каким он был в Казани, выросал крупный китаист широкого плана.

17 сентября 1850 г. В. П. Васильев возвратился в Россию, а 6 января 1851 г. был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре китайской и маньчжурской словесности Казанского университета вместо умершего И. П. Войцеховского⁴. 23 октября 1851 г. он был назначен исполняющим должность ординарного профессора.

В этот второй казанский период В. П. Васильев становится видным ученым и 23 октября 1852 г. избирается действительным членом Русского Географического общества, а позднее, 30 декабря 1857 г., — членом-сотрудником Русского Археологического общества.

Кроме того, с 17 апреля 1862 г. по 1 июля 1868 года В. П. Васильев состоял драгоманом VI и V классов по Азиат-

¹ В. П. Васильев. Воспоминание об И. Захарове, ЖМНП, XI, 1885, отд. отт., стр. 1.

² С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 156.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Войцеховский Иосиф Павлович (1793—1850). По специальности врач, в качестве которого был направлен в составе XI Духовной миссии в Пекин. Там он изучил китайский язык и написал ряд работ о Китае. По возвращении в Россию получил кафедру китайской и маньчжурской словесности при Казанском университете.

скому департаменту Министерства иностранных дел. После отчисления от должности он продолжал состоять в ведомстве этого Министерства.

20 апреля 1855 г., в связи с преобразованием при Петербургском университете Отделения восточных языков в Восточный факультет, В. П. Васильев вместе с группой других профессоров и преподавателей был переведен туда в качестве исполняющего должность ординарного профессора.

С переездом в Петербург начинается наиболее плодотворный период научной и преподавательской деятельности В. П. Васильева, не прекращавшийся до самой смерти ученого (27 апреля 1900 г.)¹.

В этот период он вырастает в крупнейшего ученого с мировым именем.

В связи с новым уставом 1863 г., требовавшим для получения ученого звания «доктора» защищать диссертацию, В. П. Васильев 14 декабря 1864 г. первым из русских китаеведов защитил диссертацию на тему: «Сведения о маньчжурах во времена Юань и Мин» и получил ученое звание доктора восточной словесности.

Вот как писал об этом А. В. Никитенко². «Диспут в университете на докторскую степень Березина и Васильева — оба меня упрекнули, что это я заставил их держать.

Ничего, господа, — отвечал я, — вы возьмете свое в честном бою и нам доставите удовольствие вас послушать.

Действительно, диспут был очень занимательный, хотя касался слишком специальных предметов. Березин защищал свои тезы с достоинством, высказывая в себе человека с глубоким знанием своего предмета и даже с внешним образованием. Васильев защищался немного дубовато, но видно, что он тоже обладает всесторонним знанием своего предмета, т. е. китайского языка. Кроме того, он горячо любит свой предмет, что менее заметно в Березине. Разумеется, они оба были удостоены степени доктора восточных языков, и я искренне поздравил их»³.

¹ Соответствующие статьи, посвященные научной и преподавательской деятельности В. П. Васильева этого периода, даются ниже.

² Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), писатель. Из б. крепостных графа Шереметьева. В 1836 г. получил степень доктора филологии. Был профессором кафедры русской словесности в С. Петербургском университете (с 1834 г.). В 1833 г. был назначен цензором, в 1853 г. избран в члены Академии наук, в 1859 г. — членом негласного комитета над цензурой. С 1857 г. — председатель театрального комитета. В конце 50-х годов редактировал ЖМНП.

³ А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1893, т. II, стр. 419, 1863, декабрь, 14.

Благодаря всеобщему признанию заслуг В. П. Васильева, его широкой известности в кругах ориенталистов всего мира, он в 1866 г. избирается членом-корреспондентом Российской Академии наук, а 11 января 1886 г., уже в возрасте 68 лет, — действительным ее членом.

Нельзя при этом не заметить, что только мировая известность В. П. Васильева позволила ему быть избранным в Академию, куда иностранцы, особенно немцы, закрывали доступ русским ученым¹.

Но даже слава и признание не принесли ученому ни морального удовлетворения, ни улучшения материального положения. Жизнь его в Петербурге отнюдь не была спокойной, как она не была спокойной во всей стране. Волна революционного движения, поднимавшегося в 50—60-е годы перед аграрной реформой, захватила также и Университет. Репрессии царского правительства, направленные против «бунтовщиков» и недовольных, обрушивались и на прогрессивную интеллигенцию, на студенчество. Мимо этого В. П. Васильев не мог пройти. Внимательное изучение его печатных трудов, а также архивных материалов о жизни и деятельности ученого приводит к выводу, что он далеко не был равнодушен к окружающей действительности. Он был не только ученым и профессором. Как настоящий патриот, беззаветно любивший свою родину, он стремился к возвышению русской науки, к доступности ее народным массам, он ратовал за просвещение народа, за то, чтобы в России «богатых было столько же, сколько теперь бедных, а бедных столько, сколько теперь богатых»².

¹ Одним из таких же примеров может служить дело проф. Якубовича, работы которого в области физиологии были удостоены монтионовской премии Парижской Академии наук. Он не был избран в действительные члены Российской Академии наук, так как был другой кандидатом — немец (см. Х. А. К о ш т о я н ц. Очерки по истории физиологии в России. М.—Л., 1948, стр. 170). Другой пример ярко представлен в статье анонимного автора, опубликованной в газете «Русский мир» за 10 октября 1864 г. Автор рассказывает, как по смерти акад. Круга оказалась вакантной кафедра русской истории, но на это место был выбран не русский ученый. «Выбрали кого-нибудь из русских ученых, из русских профессоров истории? — спрашивает он и отвечает: — Нет, выбрали иностранца-кандидата, только кандидата Университета, который, впрочем, обещался выучиться по-русски, и затем изучить русскую историю». Больше того, тот же автор отмечает, что если в каждом европейском государстве академики издают свои труды на родном языке, то в России «... на всех всевозможных языках, кроме русского. Что же это такое? — спрашивает он. — Уж не в Праге ли мы, не в Пеште ли, где австрийцы не дают ходу отечественному языку и заставляют писать непременно по-немецки. Да и там теперь этого уже не делают».

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

Dear Mr. [illegible]
 I have not yet
 received your letter
 of the 10th.

[illegible]

Нам неизвестно, каково было отношение В. П. Васильева к студенческим волнениям, происходившим в Университете, но на основании обнаруженных документов известно, что на двоих из его четырех сыновей в III отделении были заведены дела. Один сын В. П. Васильева, Николай, учился в С.-Петербургском университете. В это время там действовало «секретное циркулярное предложение за № 89 от 22 апреля 1872 г. о мерах против участия учащегося юношества в организации тайных обществ или кружков»¹.

Подозреваемый властями в участии в политических кружках сын В. П. Васильева был вынужден перейти в Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, Люблинской губ., где в 1874 г. «был арестован и привлечен к дознанию по обвинению в распространении среди студентов Ново-Александровского института революционного журнала «Вперед» и в хранении нелегальных книг»². Дело в то время ограничилось передачей Николая Васильева «под ближайший надзор своего отца» в Петербурге.

В 1875 г. сам В. П. Васильев выступил в печати с книгой «Современные вопросы», в которой высказал радикальные идеи. Очевидно, правящим кругам эти идеи не понравились, и книга была уничтожена цензурой³. Затем он издает книгу «Три вопроса» (Улучшение сельской общины, Ассигнации-деньги, Чему и как учиться), первое издание которой было запрещено цензурой⁴ и только в 1878 г. вышло второе издание. В этой книге словами «все не так, все не по моему» В. П. Васильев ярко выразил свое недовольство существующим положением в стране.

Позднее, по поводу всех цензурных бесчинств, которые пришлось испытать В. П. Васильеву, он писал: «Разумеется, после того, как получил такой щелчек от цензуры, охладеешь, закупиришься внутри самого себя — изнутри воздвигнешь руки к небу, видя как терзают Россию финансисты, моралисты,

¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. № 7176, связка 206.

² Центральный государственный исторический архив СССР в г. Москве. Архивная справка за № 21/18/372 от 23 июля 1954 г. (хранится в делах Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР).

³ В архиве ученого сохранились лишь названия четырех глав этой книги: «1) Что нам всего нужнее прежде сделать; 2) По поводу военной реформы; 3) Ассигнации; 4) Общая программа».

⁴ См. примечание в работе С. А. Козина «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии наук СССР». «Известия АН СССР», 1931, стр. 771.

дипломаты, юристы, просветители и даже воители! Волосы становились дыбом, а молчишь!»¹

В 1878 г. в Петербурге снова был арестован сын Василия Павловича Николай «в толпе рабочих Новобумаго-прядельной фабрики по подозрению в подстрекательстве последних к беспорядкам» и выслан в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции².

В. П. Васильев в этом же году ездил в Архангельскую губ. Нет сомнения, что эта поездка была вызвана желанием повидать сына. К сожалению, неизвестно, состоялась ли эта встреча, мы знаем лишь, что 24 июня 1878 г. сын В. П. Васильева Николай скрылся за границу, в Швейцарию³.

Затруднения в продвижении своих научных трудов в печать, свирепость цензуры, эмиграция сына, материальные трудности сваливают ученого в постель. Он готовится к смерти, что видно из чернового наброска завещания, находящегося среди записей в тетради для различных заметок, а также на значении А. А. Добролюбова опекуном своих детей⁴.

Однако причиной болезни В. П. Васильева были не столько его физические недуги, ибо после выздоровления он прожил еще 20 лет⁵, сколько тяжелое моральное состояние, которое уже не оставляло его до самой смерти.

Несмотря на почет, награды, славу ученого, В. П. Васильев чувствовал себя неудовлетворенным, и как ученый, и как гражданин. В нем стал развиваться тот скептицизм, который так характерен для него в этот период жизни.

Тяжелая борьба, которую пришлось вести В. П. Васильеву во имя науки, не раз приводила его в отчаяние и вызывала нотки пессимизма, открыто выраженные в его печатных работах. Ярким свидетельством такого тяжелого душевного состояния служат заключительные строки в его «Очерке истории китайской литературы». Он писал: «Наш беглый очерк китайской литературы представляется в наших собственных глазах и ис-

¹ С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 153.

² Указ. справка Центр. госуд. истор. архива.

³ Там же.

⁴ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 28.

⁵ Больше того, В. П. Васильев в возрасте 72 лет совершил путешествие на лошадях 10 тыс. с лишним верст. Так, в письме П. А. Дмитревскому в октябре 1890 г. В. П. Васильев писал, что для того, чтобы проститься с дочерьми («ведь уже 72 год, пожалуй и умрешь, не простясь») он поехал в Омск и оттуда в Верный (Алма-Ата). «Достаточно того, — писал он, — что я был в Чугучаке и Кульдже, а потом посетил и другие невиданные города: Верный, Ташкент, Самарканд, Каспий и проч.» (Архив востоковедов АН СССР, ф. 14, ед. хр. № 9).

поведью и отповедью тем более, что, может быть, это последний наш труд, появляющийся в печати. Мы желали бы сказать и думаем, что могли бы сказать гораздо более, если бы заранее ожидали запроса на наш труд. . . Теперь пришлось передавать торопливо, что нашлось у нас под руками, прибегать даже к ставшей уже изменять памяти. . . Возможно ли единичной силе, закинутой в совершенно несочувственный мир, работать без средств и надежды, что труд не пропадет, не останется в рукописи, которая по смерти автора достанется макулатуре?»¹

Позднее, в своей автобиографии он также писал: «Когда не встречаешь сочувствия, так и руки опускаются»².

В 1881 г. В. П. Васильев подает прошение «об исходатайствовании ему командировки с научной целью за границу, сроком с 25 августа по 10 октября для осмотра китайских книг, хранящихся в европейских библиотеках» (протокол № 9 от 1 мая 1881 г.)³.

Возможно, что как эта, так и последующие поездки⁴ В. П. Васильева за границу имели не только и не столько «научную цель» или «для поправления своего здоровья», сколько стремление встретиться с сыном — политическим эмигрантом, которого он материально поддерживал и с которым вел тайную переписку⁵.

Сам В. П. Васильев был далек от революционных идей и революционной борьбы, но у него имелись связи с передовыми людьми своего времени.

Известно, что он переписывался с В. В. Стасовым, был уважаем как ученый Н. А. Добролюбовым, который дал положительный отзыв в печати на его труд о буддизме⁶.

¹ В. Васильев. Очерк истории китайской литературы, СПб., 1890, стр. 162—163.

² С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 152.

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. № 15593, связка 1081, год 1881, л. 19.

⁴ 17 апреля 1889 г. В. П. Васильев просит отпуск с 31 мая по 20 августа 1889 г. для поездки «внутрь России и за границу (ГИАЛО, фонд 14, опись I, ед. хр. № 5501, связка 128); «Высочайшим приказом по МНП от 10 мая 1890 г. № 7 командировается с ученою целью: в России и за границу: ординарный академик Императорской Академии наук, тайный советник Васильев с 1 июня по 1 октября 1890 г. («Сенатские Ведомости», № 59, от 24 июля 1890 г.); в 1891 г. В. П. Васильев вновь получает разрешение Департамента народ. просвещен. за № 8374 от 11 мая 1891 г. на поездку за границу.

⁵ Известно, что одно из писем В. П. Васильева было перехвачено департаментом полиции в ноябре 1894 г. (см. указ. справку Центр. гос. истор. архива СССР).

⁶ «Современник», 1858, № 11, стр. 357—370.

При исследовании трудов В. П. Васильева второго периода его жизни, после 70-х годов, бросается в глаза противоречивость изложенных в них взглядов, когда одновременно с «благонамеренными» высказываниями встречаются отнюдь не «благонамеренные». Правда, такие высказывания выступают в завуалированной форме, что объясняется, несомненно, свирепой цензурой. В этих высказываниях, однако, ясно проглядывает его недовольство существующим в России порядком. Даже в таких ответственных выступлениях, как в актовой речи в С.-Петербургском университете в 1882 г., он позволяет себе делать довольно прозрачные намеки на полицейский режим царской России.

Поскольку вопрос цензуры для В. П. Васильева всегда был большим вопросом, поэтому, касаясь его в своей актовой речи, он говорил (хотя и вопреки действительности), что в «Китае нет цензуры, и все повременные издания, памфлеты и книги издаются без всякого просмотра»¹.

Эту же мысль он подчеркивал и в своей автобиографии, говоря, что «в Китае есть много хорошего (свобода слова, поощрение науки, хотя бы это была pseudo-наука и проч.) и для России»².

Даже в короткой газетной рецензии на китайско-русский словарь Палладия Кафарова и П. С. Попова В. П. Васильев с чувством возмущения отмечает, что в то время как в Европе создаются общества, специально занимающиеся изучением Китая, издаются газеты и журналы, в России «не одни наши синологи, но и другие русские ориенталисты бродят по русской земле, по индийскому выражению об отшельниках, как единобоги...»³

В той же актовой речи «Современное положение Азии», касаясь роли Европы на Востоке, как «полицейского кошмара», В. П. Васильев выражает чувства возмущения, которые в равной степени могли быть прямо отнесены и к России.

На душевном состоянии престарелого ученого тяжело отражалась революционно-демократическая деятельность сыновей.

Николай, живший в Швейцарии, был секретарем Бернского рабочего союза, а 1 мая 1892 г. «шел во главе кортежа

¹ В. Васильев. Современное положение Азии — китайский прогресс (актовая речь). Отчет по С.-Петербур. Ун-ту за 1882 год, стр. 14.

² С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 154.

³ В. Васильев. Китайско-русский словарь, составленный Палладием и Поповым. Рецензия. Вырезка из неизвестной газеты. Б-ка ИВ СХХІ
АН СССР, шифр В 29.

рабочих с красным знаменем, раздавая не только рабочим, но и учащейся молодежи свою брошюру», III отделение было хорошо осведомлено о его деятельности¹. Известно также, что самый младший сын, Сергей, земский ветеринарный врач в Свияжском уезде Казанской губернии, состоял под негласным надзором полиции².

Во второй период (после 70-х годов) своей жизни В. П. Васильев уже почти не писал ничего нового, а лишь с трудом продвигал в печать то, что было им подготовлено прежде.

Академик С. Ф. Ольденбург, лично видевший у В. П. Васильева огромное количество неопубликованных работ, многие из которых впоследствии были сожжены, выступая в апреле 1918 г. с речью по случаю 100-летия со дня рождения В. П. Васильева, справедливо сказал, что «Василий Павлович дал очень много русскому востоковедению и востоковедению вообще, его имя навсегда занесено в историю науки, и если тем не менее я решаюсь назвать его жизнь драмой ученого, то делаю это потому, что убежден, что самое важное, самое ценное из работ Васильева не увидело света и при том не по его вине»³.

* * *

Освоив в Китае обширные материалы по различным вопросам китаеведения, изучив многочисленные китайские, тибетские и монгольские источники по буддизму, В. П. Васильев ставил перед собой большие научные планы разработки и издания всего того, что было накоплено и написано им в Китае.

Не останавливаясь на вопросе о том, каково было состояние китаеведной науки в России и на Западе, укажем только, что русское китаеведение уже в 20—30-х годах XIX в. было поставлено Н. Я. Бичуриным на научную основу.

В. П. Васильев, стремясь разрешить ряд новых проблем китаеведения, продвинул эту отрасль науки на новую, высшую степень развития.

Всесторонняя оценка заслуг В. П. Васильева в области китаеведения и вскрытие сущности его взглядов могут быть правильными лишь в том случае, если мы примем во внимание не только опубликованные труды, но и не увидевшие свет работы, число которых весьма значительно.

¹ Указ. справка Центр. госуд. истор. архива.

² Там же.

³ С. Ф. О л ь д е н б у р г. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. «Известия Российской Академии наук», 1918, Пг., стр. 538—539.

Уже первое знакомство с трудами В. П. Васильева поражает многообразием охваченных в них проблем, обширностью и глубиной их исследования.

Эти работы затрагивают общие вопросы китаеведения, являются исследованиями в области языка, литературы, истории и географии Китая, а также идеологии Востока. Продолжая научные традиции своего предшественника Бичурина, В. П. Васильев считал необходимым изучить сопредельные с Китаем страны. Объектом его изучения стали Тибет, Средняя Азия, Монголия и др.

Научная деятельность В. П. Васильева сопровождалась большой преподавательской работой в Петербургском университете.

Академик С. Ф. Ольденбург, откликаясь в 1900 г. на смерть ученого, писал: «Это было поколение, открывшее целый, дотоле неведомый мир. . . Для того, чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие, и такая широта знания, что нам теперь и представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом»¹.

В. П. Васильев также интересовался событиями в Китае. Это были годы важных событий в Китае — проникновение иностранного капитала в страну, широкие восстания китайского народа. В статьях на современные темы В. П. Васильев обнаружил глубокую симпатию и любовь к китайскому народу.

Будучи патриотом, беззаветно любящим свою Родину, В. П. Васильев не стоял в стороне и от политической жизни России. Он выдвинул ряд оригинальных проектов, в которых предлагал осуществление реформ, направленных на улучшение жизни.

Таков был в общих чертах круг научных и политических интересов В. П. Васильева, показывающий, что как ученый он не был узким специалистом и не ограничивал себя изучением какой-либо одной области китаеведения. Его многочисленные работы, изданные и неизданные, свидетельствуют о широте научных интересов, выходящих далеко за пределы только китаеведения.

В. П. Васильев жил в то время, когда развитие капитализма и связанная с ним колониальная политика усилили интерес к Востоку, как к объекту эксплуатации. Это сопровождалось возникновением ряда теорий буржуазных псевдоученых, доказывавших в угоду капитализму, неполноценность народов

¹ ЗВОРАО, XIII, 1900, стр. 47.

Востока, их неспособность к восприятию цивилизации и т. п. Такие взгляды характерны были для большинства западноевропейских синологов, примером чему могут служить высказывания широко известного в синологическом мире переводчика китайских классических книг Легга. Легг, например, утверждал, что «Китай является одряхлевшей нацией», что он «разлетится на куски» при соприкосновении с европейской цивилизацией¹. В. П. Васильев был представителем прогрессивного направления русского востоковедения XIX в. Он с возмущением критиковал теории о неполноценности восточных народов: «Нет несправедливее и нелепее мнения, что китайцы не способны ни к каким нововведениям, или что европейское образование погубит их, если они его примут, что это нация совсем устаревшая, которая не может никак возродиться или переродиться»².

Для В. П. Васильева Восток был той сокровищницей, которая должна быть приобщена к мировой культуре, тем источником знаний, которые должны быть использованы для обогащения мировой науки и культуры. В эту сокровищницу он включал Китай, страну, которую он любил, трудолюбием народа которой он восхищался. Такие взгляды он не раз высказывал в своих трудах, а также в различных записях, черновых набросках, оставшихся в архиве ученого и относящихся к различным годам его жизни.

«Как ни высоко вознесся в настоящее время человек над окружающей его природой, повелевая ее силами, — писал В. П. Васильев, — мы не думаем еще, чтоб он уже исчерпал все ее законы и чтоб был где-нибудь положен предел усовершенствованиям и изобретениям. Но полное развитие может осуществиться только тогда, когда *все народы* (подчеркнуто нами. — *Авт.*) равно будут участвовать в великом деле науки. До сих пор мы видим только на этом поприще еще отдельные государства и как много остается еще желать! Кто внимательно присматривался к Востоку, тот не станет смело и гордо утверждать, что все может решить сам собой надменный Запад. Такие страны как Китай и Индия нельзя считать за ничто в общем деле человечества»³.

Интерес к Востоку обуславливался у В. П. Васильева не узко субъективными причинами. Благородное желание изучить многомиллионный Китай, его богатейшую культуру и ввести

¹ G. L e g g e. The chinese classics, 1870, vol. I. Предисловие, стр. II.

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

³ Там же, «О значении Востока вообще и Китая в частности».

Ожаренн Кнмал

[illegible]

в науку новые данные, основанные на этом изучении, составляло главную его цель. Еще в 1850 г. он говорил: «Мы должны отстаивать страну и предмет, но не по предубеждению к нему, не по пристрастию, невольно рождающемуся у всякого (одно слово зачеркнуто В. П. Васильевым. — *Авт.*) от занятий каким бы то ни было предметом. Нет, мы будем руководствоваться одной мыслью, что человек, где бы он ни жил, все остается человеком, что везде видно его высокое призвание преобразовать самого себя, выработать окружающую его природу. . . . Человек столько же заслуживает внимания на Востоке, как и на Западе»¹.

В. П. Васильев стремился в своих работах показать всю значимость изучения Востока вообще и Китая в частности. Для него Восток не был экзотическим Востоком. Он писал: «. . . Мы, которые старались собрать умственную и вещественную дань со всех концов света, изучить малейшие, незначительные уголки обширного материка, стараемся заглянуть за густые тучи льдов, скрывающих от нас тайники полюсов, просветить свой взор до того, чтобы разбирать карту небесных светил, пожать руку их обитателям, не стыдно ли, говорим мы, не замечать стоящего подле нас колосса (т. е. Китая. — *Авт.*), отрицать в нем не только в настоящем, но и в будущем, способность вместить свет просвещений, отказать ему как и в прошлом, так и в настоящем участии быть посильным, а вместе и могущим двигателем человечества!»²

Исходя из интересов науки, В. П. Васильев считал, что без изучения Востока и народов его населяющих мировая наука будет неполной. Обоснование и доказательство этого являлись одной из главных целей всей жизни ученого.

Борясь за научное изучение Востока, В. П. Васильев, естественно, выступал против широко распространенных, особенно на Западе, расистских теорий о неполноценности неевропейских народов, об их неспособности к восприятию цивилизации, о том, что эти народы пригодны лишь для колониальной эксплуатации и т. д.

В. П. Васильев считал не только достойным, но и обязательным изучение и знание стран Востока и Китая в частности.

«Если мы облечем позором невежества того, — писал он. об изучении Китая, — кто осмелится забыть славимые издревле имена Фемистоклов, Мильтиадов или Цицеронов, — то какое же право имеем мы (если только не ссылаться, что все

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15, «О значении Востока вообще и Китая в частности».

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

как делают), оставлять без внимания страну, пред великими мужами которой бледнеют не только герои древности, но и гении вроде Наполеонов — почему изучая языки и литературу народов незначительных, мы оставляем в стороне язык самый замечательный в мире как по своему неисчерпаемому богатству, по тем драгоценным для филолога памятникам, которых напрасно будем отыскивать во всех других известных языках, так и по живописности, говорящей в одно время и понятию и глазу! Литература, тянущаяся непрерывной нитью целые тысячелетия, богатая всеми произведениями человеческого гения, ужели не представляет кроме специальных материалов ничего, на чем бы ум мог вывести новые законы для жизни человечества, вознестись к неизвестным доселе идеям!»¹

В другой своей работе он вновь говорит: «Неужели страна, имеющая и всегда имевшая влияние на целую половину древнего материка, населенная самым многочисленным в свете племенем, — народом, у которого просвещение и образованность, каковы бы они ни были, ставятся выше всего, нацией самой сметливой, трудолюбивой и искусной, неужели эта страна, раскинутая в самом лучшем в свете климате, богатая всеми дарами природы, нация, живущая самостоятельно столько столетий, испытывавшая все фазисы исторического развития, подвергавшаяся всем переворотам, какие только могут существовать в гражданском и правительственном быту, представляющая столько образцов, как для всех доблестей человеческого духа, так и для всех пороков, неужели эта нация не заслуживает нашего внимания!»²

Приведенные нами мысли В. П. Васильева близки к высказываниям революционного демократа В. Г. Белинского.

В. Г. Белинский, критикуя историка гегельянца Лоренца, высказавшего мнение о том, что Китай и Индия не должны иметь места в истории, по причине их совершенно изолированного развития, писал: «Неужели такое великое явление, как Китай, велико вне истории и без всякого к ней отношения? Китай и Индия — страны в высшей степени исторические. . . »³

Глубоко убежденный в исторической и научной значимости культуры Китая, В. П. Васильев был ярым поборником единения Востока и Запада и был уверен, что это рано или поздно осуществится. «Мы живем, — писал он, — на границе той эпохи, в которой скоро исчезнет это разъединение (Востока с Запа-

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 17..

² Там же, ед. хр. 15.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 342..

дом. — *Авт.*). Не надо быть ни предвещателем, ни глубоким философом, чтобы сделать эти предсказания, нужно только отделаться от общих предрассудков, от идей, которые нам часто навязываются неблагонамеренно или не понимая дело. . .»¹

В. П. Васильев был убежден в том, что отсталость Китая, вызванная распространением конфуцианства, носившего со II в. н. э. реакционный характер, — это временное историческое явление, не связанное ни с расовыми свойствами китайского народа, ни с сущностью религиозных учений, что над Китаем, под влиянием приобщения его к культуре мировой взойдет «заря обновляющего объединения»².

Таковы взгляды В. П. Васильева на историю Востока. Несомненно, эти взгляды мы вправе считать прогрессивными, идущими вразрез с установившимися мнениями того времени. Такая же прогрессивность взглядов В. П. Васильева проявлялась и в его отношении к самому китайскому народу, его культуре. Еще будучи в Китае, в сентябре 1841 г., В. П. Васильев, видя, как европейцы силой оружия пробивали себе дорогу в Китай, и возмущаясь их действиями, записал в своем дневнике: «Разнеслись слухи, что англичане опять явились к Кантону и начали тревогу. . . Все это чорт знает на что похоже. . . Не знаю, чем кончится это дело, а оно может принять серьезный оборот. . .»³

Клеймя действия иностранцев, он писал:

«Что же это за человеческий так восхваляемый прогресс, строй, при котором и люди не дышат свободно и земля не развивает своих сил. Ужели европейское развитие, так высоко стоящая цивилизация, эти великие успехи и открытия наук имеют своим результатом только задержку развития неразвитых и служат орудием порабощения одних другими»⁴.

И далее: «Да, Восток уже более не находится в тех границах, которые мы ему начертали. Уже Запад обвинил его своими руками и если не задавил в них, так скорее потому, что каждая из рук принадлежит отдельным владельцам, которые наверно не согласятся на одномоментное дружеское пожатие»⁵.

И хотя В. П. Васильев полагал, что «Китай может обойтись без иностранного привозу»⁶, однако считал, что дальнейшие

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

² Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873, стр. 5.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

⁴ Современное положение Азии — китайский прогресс, стр. 7—8.

⁵ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

⁶ В. П. Васильев. Современное положение Азии, стр. 18.

судьбы Китая все же связаны с Западом: «Впрочем, судя по настоящему порядку дела, Востоку не суждено, кажется, возвысить свою голову самостоятельно; ему придется может быть вынести долгую опеку Запада для того, чтобы участвовать впоследствии вместе с ним в общих целях»¹.

Следует отметить, что в некоторых работах В. П. Васильева, наряду с прогрессивными, передовыми, ломающими установившиеся точки зрения на Восток взглядами, проскальзывают мысли, послужившие для некоторых китаеведов основанием считать его реакционным ученым.

* * *

В одном из своих писем (без даты и адресата), хранящихся в архиве ученого, он писал о той роли, которую должна играть Россия в процессе развития стран и народов Востока. «... Я люблю Восток, потому что предвижу в нем обширную плодотворную деятельность России и уверен, что под ее эгидой о Востоке скажут когда-нибудь не ложно *ex oriente lux!*»

Примером такого же высказывания служит и упоминавшаяся выше актовая речь В. П. Васильева в 1882 г. В ней он вместе с правильными мыслями о том, что Китай не чужд культурному развитию, что он внесет свой вклад в мировую культуру, говорит о роли русского капитализма на Востоке.

Что же касается будущего Китая, то, ратуя за приобщение его к современной ему европейской культуре и желая видеть Китай во всех отношениях сильным и могучим, В. П. Васильев, отдавая дань своему времени, повторяет ходячую теорию о «желтой опасности».

Несмотря на противоречивость высказываний В. П. Васильева, обусловленных ограниченностью его мировоззрения, в его отношении к Китаю и в его стремлении приобщить китайскую культуру к культуре мировой чувствуется глубокая симпатия русского синоведа XIX в. к китайскому народу.

С этим связана и вся его преподавательская деятельность, которую он не мыслил оторванной от жизни².

Характерной чертой В. П. Васильева как в науке, так и в политике была борьба «за честь русского имени». Русскую науку он хотел видеть свободной от иностранного влияния, а Россию — свободной от экономического гнета западноевропейских держав. Однако это не означало, что В. П. Васильев в какой бы то мере игнорировал китаеведение Западной Европы и не знал

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15, л. 31.

² В. П. Васильев. Современное положение Азии, стр. 19.

над чем и как работают там синологи. И если среди опубликованных работ ученого мало рецензий или отзывов о западноевропейском китаеведении, то это не может служить поводом к утверждению о полной обособленности В. П. Васильева.

Материалы архива В. П. Васильева полностью опровергают это незаслуженное обвинение. Среди неопубликованных трудов В. П. Васильева имеются самые разнообразные рецензии, записи, заметки, наброски о синологической литературе Запада, списки новой западноевропейской литературы и т. д. Это говорит о том, что В. П. Васильев живо интересовался всем, что выходило в свет за рубежом в области востоковедения. Кроме того, хорошо известны его оценки трудов западноевропейских синологов и в печатных работах, как, например, в «Очерке истории китайской литературы», в работе «Буддизм, его догматы, история и философия»¹ и в др.

Более того, обнаруженные архивные документы свидетельствуют, что В. П. Васильев неоднократно выезжал за границу, где знакомился с имеющимися там коллекциями книг на восточных языках в библиотеках Вены, Мюнхена, Парижа, Берлина и Лондона, причем лично общался с европейскими учеными-ориенталистами — синологами (Фицмайером, Дугласом, Саммерсоном, Шаттали и др.).

Однако все это лишнее убеждало его в том, что ему как ученому нечему учиться за рубежом.

В своем отчете о первой поездке (1870) за границу В. П. Васильев отмечал, что ни одна из осмотренных им библиотек «не может гордиться таким собранием книг, как наша университетская по части китайской, маньчжурской и тибетской литературы»².

В сентябре 1881 г. В. П. Васильев участвовал на V международном конгрессе ориенталистов в Берлине и после этого еще несколько раз ездил за границу. Однако труды западноевропейских синологов не открывали ему ничего нового. Иногда это были труды, которые по тематике повторяли то, что уже было написано В. П. Васильевым, а по использованным источникам далеко отставали от его трудов. Были также случаи, когда В. П. Васильев оказывался обкраденным засевшими в Российской Академии наук иностранцами. Так было с переводом «История буддизма в Индии» Даранаты, над которым работал В. П. Васильев и который представляет большую научную ценность.

¹ Очерк истории китайской литературы. СПб., 1868, стр. 4—5 и сл.; «Буддизм, его догматы, история и философия», ч. 1; Общее обозрение. СПб., 1857, стр. 5 и сл.

² ГИАЛО, 14, оп. I, ед. хр. 5501, л. 269.

Протестуя против поступка академика Шифнера, который перевел эту книгу на немецкий язык с русского перевода, сделанного В. П. Васильевым, выдав его за перевод с оригинала, В. П. Васильев в письме к редактору газеты «Голос» выступает как русский патриот. «Разве не странно, например, — писал он, — что настоящее издание Даранаты, сочинения, равного которому, по значению для истории Индии, не имел вовсе ученый мир, является в печати ровно через двадцать лет после того, как я кончил его перевод, и было бы неизвестно ученому миру еще, по крайней мере, 20 лет, если бы я не вынул его из портфеля. Но я должен протестовать во имя того чувства, которое все чаще и чаще стало просыпаться в нас и требует охраны чести русского имени»¹. Интересно привести высказывания В. П. Васильева, показывающие понимание своих задач как ученого и тех перспектив, какие он начертил себе:

«Ученый, — писал он, — есть чернорабочий мира. Механик не создает новых сил в природе, он только их открывает и дает другим случай делать открытия. Наш брат ориенталист не может создать новых фактов, он может только делать известным известное для одних и неизвестное для других. Если бы я взялся разрабатывать географию, историю или литературу Китая, то очень хорошо понимаю, что я могу сообщить очень много еще неизвестного в Европе, но неизвестно ли это также в Азии — это другое дело. И так, вместо того, чтобы следовать за работами других, не лучше ли нам работать для себя, по своему умению, по своему воззрению»².

Как видим, он не придерживался идей чистой науки, его взгляды в этом отношении были гораздо шире, и он видел свои задачи в том, чтобы дать новое и полезное как самой науке, так и народу, им изучаемому. «Известно, — писал он, — что я коснулся в своей ученой деятельности всех этих предметов (т. е. всех вопросов китаеведения. — *Авт.*), и потому от меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части, но я не думаю себя винить, всякий занимается тем, к чему способен, и я гораздо более считаю для себя и для настоящего времени почетным — внести в науку одну или две свежие идеи, которые расшевелили бы ее, чем дарить тяжеловесным специальным трудом, который в свое время, при развитии науки, окажется все-таки ученою игрушкой»³.

¹ В. П. Васильев. За и против. Письмо к редактору газеты «Голос», 27 сентября (9 октября) 1869 г.

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

³ В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским. ЖМНП, часть СХІІІ, отд. II, стр. 84.

Даже в последние годы жизни он строил большие планы работы, о чем свидетельствует хранящееся в его архиве письмо. В нем нет ни даты, ни адресата, однако по почерку можно определить, что оно относится к позднему периоду его жизни. Он пишет: «Вот пришло в голову написать Китай в будущем, настоящем и прошлом — не то ученое, не то литературное или философское. . . (непонятное слово. — *Авт.*) Однакож, что делать, знакомых журналов нет — хлопотать тоже неохота — как бы однакож быть? Вы у кормила литературы не посоветуете-ли что? В Ваш журнал не годится»¹.

Эти планы В. П. Васильева, повидимому, так и остались не осуществленными, так как ни среди изданных трудов, ни в архиве нет даже набросков подобной книги.

Интересно также отметить намерение В. П. Васильева, когда ему было 72 года, совершить большое путешествие в Тибет, Кокхинху и Китай. Так, в письме от октября 1890 г. П. А. Дмитриевскому он писал: «Я ведь еще что затеял! Поехать в Тибет, и так как из Кокхинхины выехать весной или в июне попадешь туда в холода, то предположил ехать через Кашемир. . . проехать по всему Тибету и спуститься к Вам и на Пекин. Предполагаю ехать на будущий год. . . я непременно хочу ехать на свой счет в пику ученым обществам, которые чорт знает как и куда посылают! А ну как, в самом деле, возьму да поеду в 92-м году будучи 74-х лет»².

Если проанализировать научные взгляды В. П. Васильева, то бросается в глаза наличие в них противоречивых моментов, которые были отражением не только личных особенностей В. П. Васильева, но и отражением весьма сложной обстановки, характерной для России пореформенного периода. Противоречие эпохи и отразил в своих трудах крупнейший ученый китаевед и замечательный русский патриот В. П. Васильев. Именно этим, как нам кажется, и объясняются диаметрально противоположные высказывания ученого.

Чтобы полнее представить политические взгляды В. П. Васильева, необходимо рассматривать не только научные труды, но и его общественно-политическую деятельность, его публицистические работы.

Идеи революционных демократов, возможно, прямо или косвенно оказали влияние и на В. П. Васильева. Во всяком слу-

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 17. Здесь же приписка другим почерком: «Если считаете невозможным Журнал Министерства Народного просвещения, то можно бы Вам иметь ввиду Исторический Вестник под редакцией Шубинского, а не то Вестник Европы. . .»

² ИВ АН СССР, Архив востоковедов, ф. 14, ед. хр. 9.

чае в своих публицистических статьях он ясно определил свое отношение к окружающей его мрачной действительности.

«Все не так, все не по-моему», — писал он в 1878 г. в предисловии к своей книге «Три вопроса». В общих чертах публицистические работы В. П. Васильева можно разделить на три группы: 1) работы, направленные против засилья иностранцев в экономической, политической и культурной жизни страны; 2) просветительные работы и 3) работы, касающиеся волновавшего тогда всю Россию крестьянского вопроса.

В книге «Три вопроса» В. П. Васильев проводил мысль о том, что «Россия не должна быть рабским сколком Европы», а нужно, чтобы она «во всем применялась к своим потребностям, руководилась здравым смыслом»¹, но в то же время он выступал против партии славянофилов, которые призывали к старым порядкам, возвеличивали отжившие предания и обычаи². Он не отрицал достижения европейских стран, но считал, что Россия должна использовать эти достижения применительно к собственным потребностям. В статье «Ассигнации — деньги» В. П. Васильев предлагал провести денежную реформу, которая позволила бы освободить Россию от иностранной зависимости.

Его просветительные идеи заключались в требовании освобождения русской мысли от европейской зависимости. Так, ученый писал в одном из архивных документов: «На этом поприще разрешится и другой вопрос — возможно ли существование самостоятельной русской мысли. Можем ли мы додуматься до таких порядков, которые вытекают из естественных потребностей и положения русской земли и русской народности. Можем ли мы вырваться из тех оков, которые наложили на нас западные учебники, или уж без ропота должны подчинить свою выю под наложенным на нее ярмом»³.

В. П. Васильев считал необходимым распространение образования в русском народе, при этом образование должно быть единым во всем государстве для всех классов общества. Так, в статье «Чему и как учиться» он изложил по этому поводу свои мысли, сводившиеся вкратце к предложению создать книгу, охватывающую все необходимые знания и написанную популярно. Такая книга «должна изучаться как сыном вельможи, так и крестьянским мальчиком, христианином и язычником»⁴. При этом самую систему образования в России он считал нужным сделать рациональной, т. е. за счет таких

¹ В. П. Васильев. Три вопроса, СПб., 1887, стр. 131.

² Там же, стр. 147.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

⁴ В. П. Васильев. Три вопроса, стр. 155—156.

предметов, как классические языки, расширить преподавание предметов реально необходимых: естествознания, физики, основ техники и т. п.

Развитие капитализма в России, приводившее к разложению крестьянской общины, к быстрому разложению большинства крестьянства и выделению небольшой кулацкой верхушки деревни, как известно, вызывало у интеллигенции страх перед «язвой пролетариатства». Появляются народники, стремящиеся сохранить общину. В. П. Васильев, не являясь сторонником народнических идей, был в какой-то степени близок к ним в крестьянском вопросе. Он также считал, что нельзя дать разложиться общине, нельзя дробить землю на мелкие участки, и выдвигал идею общины, которая была скорее похожа на своего рода артель, имеющую свой устав. «Предлагаемое нами устройство русской общины, — писал В. П. Васильев, — может дать сильный толчок к развитию нашей промышленности и торговли»¹. При этом он «готов в час досуга посвятить себя разяснению вопроса, помочь при составлении устава, но от всякого дальнейшего участия отказывается и за занятиями и за годами и за усталостью от душевной борьбы, которую ему приходилось выносить с существующим порядком или принимаемыми мерами»².

Он хотел, чтобы сами крестьяне были окончательными судьями своей дальнейшей судьбы. «Нужно, чтоб они (т. е. крестьяне. — *Авт.*) испробовали такое устройство, — писал он, — и потом уж на их отзывах создано было окончательное суждение. Для этого нужно, таким образом, прежде всего достать на первый раз хоть 3000 десятин свободной и несколько удобной земли и пригласить желающих. . .»³

Конечно, в идеях и проектах, выдвигаемых В. П. Васильевым, было много утопического, свидетельствовавшего о непонимании законов общественного развития. Поэтому, казалось, можно было бы не касаться в данной статье всех этих вопросов. Однако сам факт горячего участия в жизни общества, стремление ученого высказать свои идеи с искренней уверенностью, что они принесут пользу в деле улучшения жизни народа, поднятия его культурного уровня и т. д., свидетельствует об огромном патриотизме В. П. Васильева.

Нельзя не указать, что до сего времени выдвигались на первый план и преувеличивались отрицательные, реакционные

¹ Три вопроса, стр. 130.

² Там же, стр. 18.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

взгляды В. П. Васильева. Раздувая эти черты, критики В. П. Васильева превращали его в реакционного ученого и даже в монархиста. Отмечался не его бурный протест против дискриминации наций, а его отдельные, часто случайные высказывания, в которых отражались предрассудки и «ходячие теории» того времени. Между тем каждое высказывание В. П. Васильева в пользу и защиту народов Востока было ударом по господствовавшим в то время в русском обществе и на Западе идеям колонизации Востока, эксплуатации азиатских народов.

В этом несомненная заслуга и прогрессивность ученого.

В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ФИЛОЛОГ

В. П. Васильев не был специалистом-лингвистом в современном понимании этого слова. Он занимался изучением китайского языка с филологической точки зрения попутно, как это делали в то время ученые. В своих исследованиях языка он пользовался методом сравнительного языкознания. При этом В. П. Васильев внес много новых, прогрессивных мыслей в работы, которые касались изучения китайского языка. Эти мысли часто шли вразрез с установившимися в западной синологии взглядами на китайский язык.

Хотя изучением китайского языка в Европе занимались давно¹, однако в вопросах оценки его значения, его места в общем ряду языков мира, наличия грамматики в китайском языке, словарного фонда, письменности и т. д. часто существовали не только неверные, но в ряде случаев даже реакционные теории в работах многих западных сиологов. В. П. Васильев во многих своих опубликованных и неопубликованных трудах вел борьбу против этих взглядов. При этом он выдвигал положения, которые в большинстве случаев нашли подтверждение в позднейших исследованиях советских ученых.

Взгляды В. П. Васильева на изучение китайского языка вытекали из той общей позиции, которую он занимал в отношении Китая, а эта позиция заключалась в признании

¹ В. П. Васильев указывает, например, на Миллера (17 столетие), Премара, Дегина, Абель-Ремюза, Клапрота, Ст. Жюльена, Моррисона и Иакинфа (см. статью «О свойствах китайского языка». Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 25). Однако этим не исчерпывается список предшественников и современников В. П. Васильева. В него должны быть внесены также Байер, Фурмон, Веро, Маршман, Гонзалъев и др. В России со времен основания Российской духовной миссии в Пекине изучением китайского языка занимались посланные туда миссионеры и приписанные к миссии студенты (Рассохин, Леонтьев, Бакшеев, Владыкин, Липовцов, Каменский, Богородский и др.).

величия и мирового значения китайской нации. В изучении китайского языка В. П. Васильев видел средство к пониманию этой страны, к научному изучению ее истории и литературы. В одной из рукописей, не имеющей названия, В. П. Васильев писал: «На Востоке центром всех его стран всегда и во всем, господствующая или покоренная страна, центром всей жизни целые тысячелетия уже стоит Китай. Не забудем этого и тогда поймем — какую важность имеет для нас изучение языка, истории и литературы этой страны»¹. «Без китайского языка нельзя быть знатоком не только маньчжурского, но и монгольского, даже японского, корейского и аннамского²; основанием литературы этих языков, а с тем вместе и умственного, равно как гражданского и политического развития тех стран, где они употребляются, служит все та же литература, без нее нельзя знать и понимать не только древней истории всех этих стран и народов, но и настоящего их строя, их учреждений, их взглядов, а без знания последних, невозможно ни самому говорить, ни убеждать туземцев при всяких сношениях»³.

Вместе с тем В. П. Васильев видел в китайском языке также весьма серьезный предмет для больших филологических исследований. Так, касаясь научного изучения китайского языка, он писал: «А без знания истории Востока разве мы можем вполне оценить историю человечества? А без изучения китайского языка. . . разве можно сделать шаг к правильному сравнительному языкознанию, которое одно и составляет высшую филологию»⁴.

В статье «О значении Китая» В. П. Васильев писал о китайском языке, что «это язык и живой и вместе ученый, так что с помощью его можно легко объехать всю Восточную Азию. . . Обратимся к значению его между прочими языками в ученом филологическом отношении — и здесь мы получим такие факты, которых напрасно будем искать в другом. Ужели для филолога и для всякого образованного человека неинтересно и бесполезно знать, каким образом может еще существовать язык совершенно вне тех условий, которые мы считаем приращенными ему, — каким образом может он быть богаче всех

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

² В. П. Васильев имеет в виду здесь письменный иероглифический язык. Китайская иероглифика используется в Японии, Корее и Вьетнаме.

³ В. П. Васильев. Воспоминание об И. И. Захарове. ЖМНП, ноябрь, 1885, отд. отт., стр. 4.

⁴ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России. «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.

языков при всей бедности звуков; каким образом можно выражать и понимать мысль со всеми оттенками, со всей гибкостью без существования всяких грамматических изменений»¹.

До начала преподавательской деятельности В. П. Васильева, если не считать «Китайской грамматики» Н. Я. Бичурина², никаких систематизированных учебных пособий по китайскому языку в России не существовало. Заслуга В. П. Васильева заключается в том, что он впервые ввел систематизированный курс изучения китайского языка, а пособием для такого курса было составленное им «Введение в изучение китайского языка», в которое входила известная его работа «Анализ китайских иероглифов»³.

В Пекинских дневниках В. П. Васильев, говоря о методе изучения китайского языка, высказал весьма важную мысль, что разговорный язык как раз и есть основа китайской иероглифики. «Ясно можно понять, — писал он, — что мы прежде всего требуем знакомства с самими звуками, для которых изобретены знаки и далее историю самого изобретения. Это два важные факта, без которых знание китайского языка будет всегда поверхностно и недоступно»⁴. И далее: «Прежде нежели народ писал, читал, имел памятники, которые мог передать потомству. . . он уже говорил; следовательно, создание письменного языка должно допустить в себе влияние разговорного. Это уже не нужно и доказывать»⁵.

Эта идея более полно была разработана В. П. Васильевым в его «Анализе китайских иероглифов». Кроме того, им была написана большая работа «Графическая система китайских иероглифов»⁶, а также составлена хрестоматия в качестве учебного пособия для изучения китайского языка в трех выпусках⁷.

¹ См. Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

² Хань-вынь пи-мынь. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. С.-Петербург. Литография Гемильяна. 1835. 241 стр. В то время это была лучшая грамматика китайского языка.

³ В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, в 2 частях. СПб., изд. 1, 1884; изд. 2, 1898.

⁴ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 2, ед. хр. 38/2.

⁵ Там же.

⁶ В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., 1867, литограф. Тиблена и К^о, XVI+456 стр. Еще ранее, в 1857 г., в ЖМНП В. П. Васильева была опубликована работа «Les phonétiques chinoise d'après le système graphique», в которой он изложил принципы графической системы.

⁷ Учебные материалы и пособия по китайскому языку, составленные В. П. Васильевым, еще требуют глубокого и специального исследования для выяснения того нового, что было сделано ученым как в области зна-

В работе «Анализ китайских иероглифов» В. П. Васильев подробно разобрал существовавшие к тому времени в Китае и в Европе китайские словари различных систем, из которых самой распространенной была так называемая ключевая система. Во времена Васильева появился словарь Каллери, составленный по фонетической системе. Этот словарь был признан В. П. Васильевым как лучший¹.

В. П. Васильев, борясь с рутинной в науке вообще, обвинял западноевропейских синологов Потье и Жюльена в том, что в то время, как вышел лучший словарь Каллери, они «готовят новые лексиконы по той же ключевой системе. Мы полагаем, что эта упрямая приверженность к старой рутине только может задержать успехи изучения китайского языка»².

Отдавая должную дань словарю Каллери, В. П. Васильев все же считал, что «та система, до которой мы сами доработались, гораздо проще и удобнее, как в приискании слов, так и запоминании иероглифов»³.

В другом месте он вновь отмечает, что «при переходе в С.-Петербургский Университет, я имел честь представить Академии наук мой китайский словарь, расположенный по совершенно новой и, чтобы не говорили, а только и единственной облегчающей системе»⁴.

Система расположения китайских иероглифов, разработанная В. П. Васильевым, заключается в том, что все собранные в словаре иероглифы были разбиты по их фонетическим частям, так как «не ключи, а фонетические знаки составляют сущность иероглифа»⁵.

Таким образом, одни иероглифы, имеющие одинаковую фонетическую часть, попадали в одну группу, другие иероглифы с другой уже фонетической частью попадали в другую группу и т. д. Такие иероглифы, собранные по фонетическим группам, в словаре расположены по графическому принципу, т. е. по

ний о языке, так и в области методики преподавания последнего. Дать же такое исследование в настоящем обзоре не представляется возможным.

¹ По поводу этого словаря В. П. Васильев писал: «... Только в 1841 появился первый дельный труд по этой части (т. е. словарь, в котором иероглифы расположены по более простой системе. — *Авт.*), мы разумею китайский словарь г. Каллери: «Systema Phoneticum. Масао» (В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов, стр. IV).

² В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов, стр. V.

³ Там же, стр. VI.

⁴ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880, стр. 25.

⁵ В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, ч. I, стр. 39.

19 главным чертам, образующим отделы, внутри которых иероглифы расположены по признаку нарастания черт. При этом необходимый иероглиф нужно искать по нижней правой черте.

Это была совершенно новая система расположения иероглифов в словаре. Она, как правильно характеризовал сам В. П. Васильев, «соединяет фонетическую систему с графической»¹. Расположение в словаре иероглифов не по ключам или чтению, а по фонетической части имело практическое значение и вместе с тем было научно правильным, так как приближалось к историческому развитию китайской письменности.

Разработанная В. П. Васильевым рациональная графическая система китайских иероглифов была принята на факультете восточных языков С.-Петербургского университета в качестве основного пособия для изучения китайской письменности. Вместе с тем эта система рекомендовалась для преподавания китайского языка также и в других востоковедных учебных заведениях России. Так, среди архивных материалов проф. А. О. Ивановского мы находим черновик письма, адресованного факультету восточных языков по поводу учебников китайского языка «для предполагаемого Владивостокского лицея». В этом письме проф. А. О. Ивановский рекомендовал «ввести и каллиграфию и непременно по графической системе проф. Васильева, как единственно пригодной для этой цели»².

Впоследствии по графической системе В. П. Васильева были созданы словари Д. А. Пещурова³, О. О. Розенберга⁴, В. С. Колоколова⁵ и, наконец, в 1952 г. был издан китайско-русский словарь под ред. проф. И. М. Ошанина⁶. Графическая система расположения иероглифов в каждом из упомянутых словарей совершенствовалась, но принцип, разработанный В. П. Васильевым, сохранялся. И в настоящее время каждому изучающему китайский язык хорошо известны достоинства такой наиболее рациональной системы расположения китайских иероглифов в китайско-русском словаре.

¹ В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, ч. I, стр. 61. Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 27.

³ Д. А. Пещуров. Китайско-русский словарь по графической системе. СПб., 1891.

⁴ O. Rosenberg. Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System. Tokyo, 1916.

⁵ В. С. Колоколов. Краткий китайско-русский лексикон. МИВ, 1927, IX, 207 стр.; его же. Краткий китайско-русский словарь по графической системе. М., 1935, 687 стр.

⁶ Китайско-русский словарь, под ред. проф. И. М. Ошанина. ИВ АН СССР. М., 1952, 890 стр.; 2-е изд., 1955, 898 + 204 стр.

В. П. Васильев, будучи, несомненно, крупнейшим знатоком китайского языка, отнюдь не стремился быть монополистом в этой области и искренне радовался появлению новых работ. Так, в связи с выходом в свет китайско-русского словаря, составленного Палладием Кафаровым и П. С. Поповым¹, В. П. Васильев опубликовал рецензию в газете, в которой с подлинной гордостью русского ученого-патриота писал: «Лексикон, да еще китайско-русский и притом самый лучший из всех когда-либо издававшихся европейскими синологами — разве это не важное событие в ученом мире?! И как должны были мы гордиться этим. . . Едва ли в Европе нашелся бы синолог, который высказал в своем лексиконе такую разнообразную начитанность. Мы сказали уже, что у нас всегда были солидные знатоки китайского языка, труды наших ученых не раз переводились на европейские языки и служат даже до сих пор предметом ссылок для тамошних ученых²».

В. П. Васильев с большим интересом относился к изучению китайского языка. При этом он неоднократно выступал в его защиту, так как во времена В. П. Васильева среди европейских синологов (Гумбольдт и другие) было распространено мнение, что китайский язык является особым языком, не имеющим никакой связи с другими языками, что он живет «какой-то особенной, не подходящей под общие законы человеческой речи, жизнью»³.

Иными словами, западные синологи пытались доказать, что китайский язык — это особый язык, отличающийся бедностью словарного фонда, что в нем отсутствуют части речи, и, следовательно, отсутствует грамматика⁴.

¹ «Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым». Пекин, типография Тук Вэн-гуань, 1888, в 2 томах.

² В. П. Васильев. Китайско-русский словарь (см. вырезку из газ. в Б-ке ИВ АН СССР, шифр В $\frac{СХХ1}{29}$). Еще до того, как словарь был

издан, В. П. Васильев в частном письме (без даты) П. А. Дмитриевскому писал: «Павел Степанович (Попов. — Н. П.) прислал мне свой лексикон. По мере печатания, будет, видно, большой и очень полезный и делающий России честь труд, хотя без некоторых капризов он был бы еще лучше» (ИВ АН СССР, Архив востоковедов, ф. № 14, ед. хр. 9).

³ В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 85.

⁴ Начиная с первых европейских работ о китайском языке (John Webb «An historical Essay Endeavoring a Probability that the Language of the Empire of China is the Primitive Language. London, 1669) и кончая работами современных европейских синологов (Карлгрена, Масперо и др.) за редким исключением отрицалась грамматика в китайском языке. Так, во времена В. П. Васильева было широко известно среди синологов

Все эти рассуждения о китайском языке объяснялись прежде всего слабостью западноевропейской буржуазной синологии и ограниченностью буржуазной лингвистической науки вообще.

В. П. Васильев со свойственной ему прямоотой и резкостью критиковал эти распространенные в Европе «теории» о китайском языке, который он, наоборот, считал заслуживающим большего внимания, ибо этот язык «представляет еще обширное неразработанное поприще»¹, при этом «китайский язык что-нибудь да значит в общей филологической науке», и «не было ли это скорее шарлатанством, которое хотело скрыть свое невежество голословным указанием, что «китайский язык не принадлежит де к области других языков и что о нем не стоит говорить»².

Выступая против тех, кто считал, что в китайском языке отсутствует грамматика, В. П. Васильев, наоборот, утверждал, что китайский язык имеет грамматику, и это он доказывал в ряде своих работ.

Еще в августе 1841 г., будучи в Китае, В. П. Васильев записал в своих дневниках: «С некоторого времени меня особенно занимает метод изучения китайского языка. . . китайская грамматика должна нас так познакомить с духом составления (иероглифов. — *Н. П.*), что после хорошего навыка и знакомства, по ее правилам, могли безошибочно не только угадывать смысл нового знака, но даже уметь прочесть его»³.

В одной из своих неопубликованных статей он писал, что «человек везде человек и если одинаково устроен мозг китайца, как и европейца, то можно ли допустить, чтобы у первого не было в голове грамматики, и особенно, когда он мыслит и выражается Вильгельма Гумбольдта, написанное им в 1826 г. французскому синологу Абель-Ремюза. В этом письме Гумбольдт писал: «В китайском языке смысл контекста есть база для понимания и из него зачастую должен выводиться грамматический разбор. Даже глагол можно узнать только по его глагольному значению. К китайскому языку никак не применим метод, обычный при занятиях классическим языком, когда розыскам слов в словаре предшествует грамматическая работа (т. е. морфологический разбор) и анализ конструкций» (цит. по А. А. Драгунову. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, стр. 19). Недалеко ушли от Гумбольдта и современные европейские синологи. Так, Карлгрен (см. «The Chinese Language and Essay on its Nature and History», New York, 1949) утверждает, что «в китайском же языке грамматический анализ гораздо менее эффективен для понимания текста. Единственное, что тут действительно принесет пользу, — это опыт, приобретенный в результате экстенсивного чтения, чувство того, как китайцы строят свои предложения».

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 57.

² В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 103.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

жает свои мысли целые тысячелетия»¹. В своей популярной работе по истории китайской литературы он еще более резко и возмущенно писал: «Что касается до грамматики, то ходячее мнение, что в китайском языке нет ни склонений, ни спряжений может приводить в изумление только недумаящих. . . Можно ли допустить, что без склонений нельзя сказать и понять слова: дом отца, люблю отца, скажу отцу и проч., — даю, дам, дал и т. д. Поверьте, что и китаец без склонений и спряжений может иметь те же понятия. . . У него есть множество слов как для выражения падежей и времен, так и производных глаголов, и если б я не сказал выше, что многие слова, повидимому, различные, суть видоизменения одного и того же корня, то сказал бы теперь, что китайский язык принадлежит к самым богатым и, между тем, неиспорченным языкам на свете»².

В другой своей работе он вновь утверждает, что «китайский язык, считаемый бедным, надобно считать одним из богатейших, потому что он располагает большим количеством вспомогательных глаголов. . .»³

Убедительные доказательства, приводимые В. П. Васильевым в подтверждение своей точки зрения на китайский язык, наносили сильные удары по реакционным теориям некоторых европейских синологов⁴.

Защищая китайский язык от пренебрежительного отношения к нему, В. П. Васильев иногда сам впадал в ошибку, называя его древним языком, который «сохранился до нас в целости»⁵, языком «первообразным», в котором сохранились следы речи человека ранней эпохи⁶.

Несмотря на некоторые ошибки, В. П. Васильев тем не менее близок к правильному пониманию процесса развития языка

¹ В. П. Васильев. О свойствах китайского языка. Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 25.

² В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 12.

³ В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 94.

⁴ В ряде вопросов, касающихся китайского языка, В. П. Васильев стоял намного выше не только современных ему, но и современных нам европейских синологов, таких, как Карлгрен, который утверждает, что неизменяемость основы или отсутствие окончания слов делают китайский язык «до крайности сжатым и скудным» (указ. работа) или Масперо, заявляющий, что «китайский язык по богатству далек от языка французского или английского» (см. его «La langue Chinoise; Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris, 1934).

⁵ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 12.

⁶ В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 103.

и его письменности, т. е. что развитие языка и письменности неразрывно связано с развитием общества, с историей народа, который является творцом и носителем этого языка. Так, анализируя древнюю китайскую литературу, В. П. Васильев указывал, что развитие письменности шло вслед за развитием устной речи от простого к сложному. «Хотя бы, — писал он, — весь человеческий язык произошел из корней, выражающих впечатление на нас видимых предметов, т. е. как будто из глаголов, но в письме видимые предметы, т. е. изображения существительных, должны предшествовать глаголам. Слова: жарить, ходить и т. п. в письменности появились уже тогда, когда появились изображения мяса и огня (комбинация мяса на огне составила «жарить»), правой и левой ног. Мы полагаем, что все корни языка состояли только из слов, обозначающих движение их жизни. Таким представляется в главных чертах китайский язык в своих корнях — мысль человеческая росла и придавала этим корням, даже без суффиксов и префиксов, разнообразные значения»¹.

Однако В. П. Васильев, как мы уже видели выше, мог высказать в одной и той же работе совершенно противоположные точки зрения. Так, например, утверждая самобытность китайской письменности и относя ее возникновение к эпохе Чжоу (XII—XIII вв. до н. э.)², он в то же время, следуя за Дегинем³, допускал и другое, что «китайское письмо произошло от египетского»⁴, или если оно и развивалось самостоятельно, то все же «китайцы после не могли не познакомиться с Египтом»⁵. Все это, конечно, не больше как догадки, не имеющие под собой реальной почвы.

Характеристика В. П. Васильева как филолога была бы, однако, незаконченной, если бы мы не коснулись его филологических изысканий в других восточных языках. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь некоторые работы, свидетельствующие о большом и глубоком знании восточных языков, что позволяло Васильеву заниматься сравнительным языкозна-

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 26.

² Там же, стр. 59.

³ Дегинь (De Guines), сравнивавший китайские иероглифы с египетскими, пришел даже к выводу, что китайцы это те же египтяне, в древности поселившиеся на территории Китая.

⁴ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 15 (эту же мысль он повторяет и в работе «Анализ китайских иероглифов», ч. 1, изд. 2, 1895, стр. 26—27).

⁵ Там же, стр. 15.

нием. Так, например, в работе «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» ученый дает сравнение языков маньчжурского, монгольского, татарского и других с китайским, показывая взаимное влияние и обогащение словарного запаса этих языков. Можно спорить по ряду выводов, которые были сделаны В. П. Васильевым, но несомненно одно, что, совершив в те времена попытку установить связь между китайским и другими восточными языками, ученый нанес удар взглядам некоторых западноевропейских ученых-филологов об изолированности китайского языка, якобы, «не имеющего никакой связи с другими языками, живущего какой-то особенною, не подходящею под общие законы человеческой речи, жизнью»¹.

Большую работу В. П. Васильев проделал совместно с академиками В. Радловым и К. Залеманом по разработке научной фонетической транскрипции для передачи звуков ряда восточных языков. Эти три крупнейших русских ученых-востоковеда в 1887 г. составили «Общелингвистическую азбуку»², основанную на русской графике, которая могла бы заменить выдуманные каждым ученым транскрипционные знаки для передачи звуков чужого языка. В приложении к «Записке о необходимости установления основной азбуки для фонетической транскрипции текстов инородческих языков, существующих в Российской империи»³, представленной упомянутыми академиками Историко-филологическому отделению Академии наук, та часть, которая касается транскрипционного алфавита для маньчжурского, монгольского и тибетского языков, была составлена В. П. Васильевым.

Наконец, необходимо упомянуть составленные В. П. Васильевым учебные пособия по маньчжурскому языку, как, например, «Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания»⁴ и «Маньчжурско-русский словарь»⁵.

¹ В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 85.

² В Европе существовала система «Standart-Alphabet» Лепсиуса. (Lepsius. Standart Alphabet for reducing unwritten languages and foreign graphic Systems to a uniform orthography in European letters. London, 1863), основанная на латинских буквах.

³ В. П. Васильев, В. В. Радлов, К. Г. Залеман. Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв. Тип. Имп. Ак. наук, 1888, 79 стр.

⁴ Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная профессором С.-Петербургского университета Васильевым. С.-Петербург, 1863, 223 стр.

⁵ Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского Университета В. Васильевым. С.-Петербург, 1866, 134 стр.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что В. П. Васильев в области изучения китайского языка внес ряд новых положений: во-первых, китайский язык отличается богатством основного словарного фонда; во-вторых, в китайском языке существует морфология; в-третьих, между фонетикой, морфологией и письменностью существует теснейшая связь; в-четвертых, в китайском языке существует своя грамматика. Наконец, создание В. П. Васильевым первого словаря по графической системе, как уже было отмечено, послужило началом создания основанных на этом принципе новых словарей. Кроме того, В. П. Васильевым внесен также определенный вклад в дело изучения маньчжурского, монгольского и других языков.

* * *

В. П. Васильев был первым русским историком китайской литературы. Он начал интересоваться ею еще будучи в Китае. «Книги, мертвые наставники, всегда заслуживают большего вероятия, чем живые люди, которые их писали»,¹ — отмечал он в своих дневниках.

Во время своего пребывания в Китае В. П. Васильев с большой любовью и тщательностью подбирал китайскую литературу для отправки в Россию. Друг и наставник В. П. Васильева — О. М. Ковалевский писал, что от В. П. Васильева не ускользали «ни классические книги, ни поэмы, ни повести», ни романы, не говоря уже об учебниках для языкознания².

По возвращении в Россию В. П. Васильев впервые (в 1851 г.) ввел в Казанском университете курс лекций по истории китайской литературы. Это был совершенно самостоятельный предмет, который давал ясное представление об огромной вековой культуре Китая. Именно русскому ученому принадлежит честь создания впервые в истории китаеведения в России и за границей учебного курса истории китайской литературы, а также первой в мире книги по истории литературы Китая. Лишь 40 лет спустя после этой работы В. П. Васильева в Западной Европе появилась «История китайской литературы» Джайлза³. Однако Джайлз вместо своей оценки китайской литера-

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

² Черновик письма О. М. Ковалевского к неизвестному высокопоставленному должностному лицу, хранящийся в Архиве востоковедов ИВ АН СССР, фонд 29, ед. хр. 2/623.

³ H. Giles. A History of the Chinese Literature, London, изд. 1, 1901; изд. 2, 1931.

туры «посвятил, — как он писал в предисловии, — большую часть этой книги переводам, давая право китайским авторам, поскольку позволяет перевод, говорить самим за себя»¹.

Что же касается В. П. Васильева, то он был едва ли не первым европейским ученым, критически подошедшим к китайским источникам и особенно к толкованиям китайских комментаторов на древние литературные памятники Китая. Более того, в своих работах по истории китайской литературы он выступал против тех западноевропейских синологов, которые «готовы не только принимать на слово все, что встретят в китайских книгах, но даже защищать то, в чем сомневаются сами интеллигентные китайцы»².

До появления первой печатной работы В. П. Васильева по истории китайской литературы³ в Европе и в России существовали лишь каталоги китайских книг, хранившиеся в столичных библиотеках Европы или частных коллекциях. Кстати, в то время в Европе «самой значительной», по выражению А. Уайли в его «Заметках о китайской литературе»⁴ коллекцией китайских книг считалась С.-Петербургская, хранившаяся в библиотеке Азиатского департамента⁵.

В 1867 г. вышла в свет упомянутая выше книга А. Уайли. Это — аннотированная библиография, представляющая собой сухой перечень книг, приведенных в известном китайском каталоге «Сы-ку цюань-шу и цзун-му»⁶.

Все эти работы ни в какой степени не могли претендовать на название истории китайской литературы, поскольку они

¹ Н. Giles. A History of the Chinese Literature. Предисловие.

² В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 24—25.

³ Такой работой мы считаем «Записку о восточных книгах в С.-Петербургском университете». «Русский вестник», т. XI. М., 1857, стр. 305—343 (далее: Записка о восточных книгах).

⁴ A. Wylie. Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and List of Translations from the Chinese in to Various European Languages. Shanghai, 1867; Peking, 1922, 1939.

⁵ В 1843 г. был опубликован список этих книг, называвшийся: «Каталог книг, рукописям и картам на китайском, манчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». С.-Петербург, 1843, 102 стр.

⁶ Этот каталог составлен по 4 отделам: 1. *цзин* — так называемые канонические классические книги с комментариями на них; 2. *ши* — исторические и историко-географические сочинения; 3. *цзы* — философские сочинения, а также литература по естествознанию, медицине, математике, астрономии, военному делу, праву и т. д.; 4. *цзи* — произведения художественной литературы.

давали только перечень существующих коллекций китайских книг без анализа их содержания и оценки значения.

В 1855 г. В. П. Васильев начал читать курс истории китайской литературы на факультете восточных языков Петербургского Университета, а в 1857 г. он опубликовал «Записку о восточных книгах», которая явилась прообразом упомянутого «Очерка по истории китайской литературы», вышедшего в 1880 г. Уже эта краткая «Записка», впервые напечатанная в переводе на французский язык в «Записках Российской Академии Наук»¹, а затем перепечатанная в Париже, значительно отличалась от предшествовавших ей каталогов китайских книг. В ней не просто перечислялись хранившиеся в библиотеке Петербургского университета китайские книги, а давался анализ им в историческом аспекте. Впервые в истории китаеведения они рассматривались критически.

В 1888 г. был издан курс лекций по истории китайской литературы, называвшийся «Материалы по истории китайской литературы»², в которых В. П. Васильев рассматривает историю литературы и дает анализ трем философско-религиозным системам: конфуцианству, буддизму и даосизму, идеи которых пронизывают всю древнюю литературу Китая.

Что же касается «Очерка истории китайской литературы», то, как писал В. П. Васильев во введении, он представляет «не извлечение из трудов других европейских ученых, а сжатое сокращение собственных статей и записок, приготовлявшихся и приговоряемых. Источником для этих лекций служили мне преимущественно только китайские книги; почти ни одно из тех сочинений, о которых я говорю здесь, не миновало моих рук»³.

Отмечая, что «Китай имеет обширную историю, какую не может похвалиться ни одна страна, на таком огромном пространстве места и времени»⁴, В. П. Васильев также считал, что и китайская литература имеет обширную историю. «Китайская литература, — писал он, — не может быть поставлена на ряду с исчезнувшими литературами древнего мира. . . она, конечно, превосходит их и по объему и по разнообразию захваченных ею предметов. То же самое можно сказать и о сравне-

¹ «Mélanges asiatiques», т. II, 25, Janvier, 1856 г.; на русском языке «Русский вестник», 1857, т. XI, № 18, стр. 305—343.

² «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского императорского университета В. П. Васильевым». Литогр. изд. СПб., 1888, 387 стр.

³ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 4.

⁴ В. Васильев. Записка о восточных книгах, стр. 333—334.

нии ее с литературами мусульманского мира или всего средневекового периода западных европейских народов»¹.

Во всех работах, написанных В. П. Васильевым по истории китайской литературы, он дает высокую оценку ее правдивости. «Надобно знать китайскую литературу, — писал он, — чтобы видеть, как много китайцы разрабатывали общечеловеческие вопросы, углублялись в смысл каждой буквы тех книг, которые их затрагивают. Гуманность, правда, порядок, развитие умственных сил, честность — вот самые существенные вопросы китайских теорий»².

В «Очерке истории китайской литературы» В. П. Васильев стремился показать эти стороны китайской литературы, при этом он подвергал резкой критике всевозможные напластования комментариев ученых конфуцианцев, затемнявших или вообще скрывавших истинный смысл, заключенный в таких замечательных произведениях народного творчества, как, например, песни, собранные в «Ши-цзине» — «Книге песен», или в игнорируемых теми же конфуцианцами произведениях художественной литературы и т. д.

В «Очерке», как и в «Материалах», В. П. Васильев много места уделяет конфуцианству, наложившему отпечаток на всю общественную жизнь китайского народа. И это правильно, так как без знания конфуцианского учения, как и даосизма и буддизма, невозможно понять и характер китайской литературы.

В. П. Васильев различал вполне правильно конфуцианство двух периодов: раннее, существовавшее до ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 н. э.) и позднее конфуцианство, которое «из демократического и революционного учения превратилось в эластичное и податливое для того, чтобы взять правительство в свои руки»³.

Заслуга раннего конфуцианства заключалась, как об этом писал В. П. Васильев, в том, что Конфуций был первым, кто извлек из административной сферы умение писать, усовершенствовал это умение и передал его в народ, и что, несмотря на техническое несовершенство письма, он научил писать все слова, которые были в китайском языке и даже в различных его наречиях⁴.

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 1.

² В. Васильев. Современное положение Азии, стр. 10.

³ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 52.

⁴ Исследования современных китайских ученых подтверждают отмеченные В. П. Васильевым заслуги раннего конфуцианства (см. беседу Президента Китайской Академии наук Го Мо-жо с научными работниками Академии наук СССР в июле 1953 г. Вестник АН СССР, 1953, № 7).

Что же касается конфуцианства позднего периода, то оно в области политики и культуры и, в частности, литературы предпринимало все возможное, «чтобы достигнуть того, к чему стремились и другие: первенства, почета, захвата власти в государстве»¹.

В. П. Васильев справедливо считал, что между господствующими классами феодального общества Китая, в частности, их представителями — конфуцианцами и народом существовал антагонизм, который «станет понятным, если мы обратим внимание на то, как ревниво оберегает конфуцианство захваченную им власть над умами; оно как будто и не религия, а между тем никакая религия не сумела показать и доказать, что можно держать народ две тысячи лет в замкнутом кругу известных идей»².

В том же «Очерке», а также в «Материалах» В. П. Васильев особо рассматривает даосизм и буддизм и их влияние на духовную культуру Китая.

Затем В. П. Васильев рассматривает классическую литературу, которая служила как бы руководством в быту и общественной жизни Китая.

В первую очередь В. П. Васильев исследует канонизированную древнюю литературу и особенно много места уделяет «Ши-цзину» — «Книге песен», которая, по его мнению, является сборником древнекитайского фольклора. Надо заметить, что народный характер «Ши-цзина», особенно первой его части («Го-фэн») до сих пор оспаривается некоторыми европейскими синологами³.

В. П. Васильев же рассматривает отдел «Го-фэн» как собрание народных песен. «Мы имеем здесь песни, — писал он, — которые, сохраняя местный гений, гений китайского народа, в то же время свидетельствуют, что и китайцы некогда походили на прочих людей своими страстями и слабостями, что они были откровеннее, пока милые учителя (т. е. конфуцианцы. — Н. П.) не научили их из их же собственных песен сделаться иппокритами»⁴.

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 78.

² Там же, стр. 156.

³ Так, например, Масперо придерживается конфуцианского утверждения о том, что первая часть «Ши-цзина» — «Го-фэн» — это придворная поэзия, импровизирующая народные мотивы, являющиеся для поэта своеобразной маскировкой при изложении всех тонкостей дворцовых интриг (Maspero Henri. La Chine antique. Paris. E. de Boccard, éditeur, 1927. 431 p.).

⁴ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 32.

В примечаниях к переводу «Ши-цзина» В. П. Васильев высказывает ту же мысль:

«Песни составлялись народом, и нам приятнее в них встретиться с людьми, а не с замаскированными ханжами, нам интереснее узнать, что и в китайцах было некогда простое, родное и нам, человеческое сердце, те же чувства, те же страдания и радости, что и у нас. И хотя бы все стихи Ши-цзина, чего, конечно, никак нельзя допустить, были составлены даже при Ханьской династии, так и то слишком двухтысячелетняя древность должна возбуждать в нас интерес и уважение!»¹.

Исследования по истории древней китайской литературы, проделанные современными учеными² Китая, подтверждают, что эти песни отнюдь не произведения придворных поэтов, а народная поэзия. Из этого следует, что точка зрения В. П. Васильева на историю китайской литературы была более правильной, чем мнения европейских ученых не только того времени, но и некоторых синологов XX в.

Высоко оценивая художественно-литературное и историко-познавательное значение «Ши-цзина» — этого древнейшего памятника народного творчества, В. П. Васильев пишет в «Примечаниях к Ши-цзину»: «Нам нечего говорить здесь о значении народной песни, записанной в такую отдаленную эпоху; по ней мы лучше всяких диссертаций можем судить о быте и чувствах народа. . . эти песни лучше всего свидетельствуют о единстве китайской нации, несмотря на то, что она разошлась по различным местам, попала в руки особых правителей»³.

Еще шире он рассматривает «Ши-цзин» в «Очерке»: «Этот краткий очерк уже одного первого отдела показывает какой высокий интерес представляет «Ши-цзин» с чисто общечеловеческой стороны. Имеем ли мы для такого отдаленного периода, хотя бы принять и век Конфуция, у какого-нибудь другого народа такое живое и ясное выражение обыденных чувств, всего того, что занимало народ, эту так называемую сермяжную брацию в ее обыденной жизни? А главное: интерес народных песен состоит в том, что почти все они представляются в различных царствах вариантами одних и тех же сюжетов — замечание,

¹ Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева. СПб., 1882, стр. X—XI.

² См., например, работу известного историка китайской литературы — Ч ж э н Ч ж э н ь - д о. «Чжунго су вэньсюэ ши» — «История престоной литературы». Из серии «История китайской культуры». Шанхай, 1938 (2 тома). Новое издание этой работы выпущено в Пекине в 1954 г. издательством «Писатель» (2 тома).

³ Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева, стр. IV.

совершенно упущенное комментаторами, а без него и выходит вся путаница толкований»¹.

В другой, более ранней, работе В. П. Васильев отмечал, что Ши-цзин, «или книга стихотворений есть дополнение к истории народа, как свидетельство нравов и церемоний»².

В. П. Васильев высказывал также мысль, что входящие в состав памятника оды включены туда значительно позднее, потому что «язык их уже отчетливее и совершеннее. . .»³

Можно соглашаться с доводами В. П. Васильева или отвергать их, но несомненно одно, что его путь изучения древних литературных памятников был правилен, ибо, как говорил он сам: «Речь народная раньше всех ученых создает эти памятники»⁴, и что «мы обязаны иметь больше всего в виду самый текст, стараться подойти к нему как можно ближе и тогда уже принимать в расчет толкования»⁵.

Мы остановились подробно на взглядах В. П. Васильева на Ши-цзин потому, что в исследовании этого литературного памятника проявились его взгляды как ученого — историка литературы. «Конфуцианцы могли гордиться, — писал он, — что они дали историю своим соотечественникам, но ведь в истории действовали не они, а участвовала вся нация — историю не сочиняют. . .»⁶

Именно поэтому он призывал ученых китаеведов к изучению народного творчества. «Очень интересно было бы, — писал он, — чтобы кто-нибудь обратил внимание и на нынешние песни китайцев. Кажется, их до сих пор никто, даже по печатным источникам, не разрабатывал. . . На китайских педантов полагаться нечего; им все нипочем, они не хотят знать народ, а хотят, чтобы народ только учился по их книгам»⁷.

В. П. Васильев сожалел о том, что «народная литература остается без поддержки, без улучшения»⁸.

Наряду с правильными мыслями в работах В. П. Васильева есть и неверные выводы. Известно, что он многое подвергал сомнению, особенно, когда дело касалось памятников древней

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы стр. 33.

² В. П. Васильев. Записка о восточных книгах, стр. 326.

³ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 60.

⁷ Там же, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 156.

литературы. Так, подвергая критике исторические сведения о происхождении и времени появления этих памятников, В. П. Васильев одним росчерком пера уничтожает эту литературу, говоря, что «вся древняя литература сводится к нулю»¹. Столь слишком смелое утверждение, не подкрепленное достаточно серьезными аргументами, превратилось в голословное заявление.

В понятие «литература» в Китае входили четыре отдела, из которых четвертый отдел собственно и представляет то, что мы называем художественной литературой. Как раз эта-то литература в Китае почти до конца первой четверти XX в. считалась не заслуживающей внимания. В. П. Васильев отмечал, что китайские ученые никогда не сознавались в том, что читали роман или драму, хотя они читали и получали эстетическое удовольствие от чтения этих произведений. «Только классический педантизм, — писал В. П. Васильев, — развивает подобное выделение интеллигенции из народа, несочувствие к его радостям и горю»², тогда как такому педанту «именно следовало бы возвысить народную литературу и через нее народную жизнь»³.

Как при рассмотрении «Ши-цзина», так и при оценке повествовательной литературы критерием для В. П. Васильева служил народный характер литературы. Так, он писал о китайском романе, «что «действительную жизнь и настоящий взгляд на нее можно узнать. . . не по конфуцианским книгам, которые развешивают жизнь человека по часам и дням. Только роман, даже не драма, потому что она не может дать тех же подробностей, знакомит нас вполне с этой жизнью»⁴.

В. П. Васильев делит китайские романы на четыре вида: 1) чудесный, как роман «Шуй ху чжуань». — «Речная заводь», 2) исторический, как «Сань го чжи» — «История трех царств», 3) драма, лучшим образцом которой является «Си сян-цзи» — «История западного флигеля» и 4) «настоящий роман, в котором представляется внутренняя жизнь китайца, где клеймятся злоупотребления и пороки, но где часто под рукой еще в более заманчивых красках описывается разврат. Представителем романа считается обыкновенно «Цзин-пин-мэй»⁵,

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 23.

² Там же, стр. 156.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 162.

⁵ «Слива в золотом кувшине». Фактически три иероглифа, образующие название романа, представляют собой имена трех женщин-героинь романа: Пань Цзинь-лянь, Ли Пин-эр и Чунь Мэй.

но давно уже выше его несомненно стал «Хун-лоу мэн» («Сон в красном тереме»), представляющий при очаровательном рассказе в прозе вполне интересный сюжет, и правду сказать, мы с трудом можем отыскать что-нибудь подобное в этом роде в самой Европе»¹.

Однако В. П. Васильев выражал сомнение в вопросе о самостоятельном зарождении и развитии этой литературы. Так, касаясь китайской драмы, он писал, что «если даже не допускать прямого знакомства с греческим образованием и греческой славой. . . , то все-таки знакомство с драмой пришло через Индию»². Что же касается романа, то и он «тоже отдаленно родственен или одолжен своим происхождением внешнему импульсу»³.

В. П. Васильев очень ценил китайскую литературу. В одной из неопубликованных статей он писал об огромном литературном богатстве Китая, что это «богатство китайской литературы превышает все сохранившееся нам от древнего мира и доселе еще больше литератур многих европейских наций»⁴.

В. П. Васильев считал, что в будущем китайская литература, при соприкосновении с европейской литературой, освободится от тисков конфуцианских идей, сохранив при этом свой национальный характер. Он писал: «Нет сомнения, что в недалекой будущности китайская литература обогатится и освежится в волнах европейской культуры и перенесет в свои недра все изгибы европейской мысли, европейского знания. Но и в таком случае новый период ее жизни не будет. . . разделен глубокой пропастью с ее прошлым. . . »⁵

Действительно, после известного в Китае «движения 4 мая»⁶ в развитии китайской литературы произошел перелом в сторону ее демократизации. Особенно под влиянием русской классиче-

¹ В. П. Васильев. Записка о восточных книгах. «Русский вестник», т. XI, 1857, стр. 342.

² В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 157.

³ Там же, стр. 157.

⁴ В. П. Васильев (О значении Китая). Архив АН СССР, 775, оп. I, ед. хр. 15.

⁵ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 1.

⁶ Этот день в Китае явился началом демократического движения, направленного против иностранного империализма и феодализма. В процессе этого движения произошла так называемая литературная революция, выдвинувшая литературу, написанную языком *байхуа*, более близким к народному языку, взамен эпигонской литературы на классическом языке *ваньянь*, принадлежавшей господствующим классам феодального общества.

ской и советской литературы современная китайская литература приобрела ярко выраженный демократический характер. Она глубоко реалистична и пронизана боевым духом народных масс Китая, и, вместе с тем, она сохранила свои национальные особенности.

* * *

Мы далеко не исчерпали многочисленных материалов, характеризующих В. П. Васильева как филолога. Однако уже на основе приведенных данных он представляется как крупнейший прогрессивный ученый-филолог прошлого века. В вопросах ли развития китайского языка или в вопросах истории китайской литературы В. П. Васильев всегда придерживался объективных взглядов. Он был врагом западноевропейских «теорий», принижавших роль и значение китайского языка и литературы в истории развития общечеловеческой культуры. Он рассматривал китайский язык как равный с языками других народов. Он считал, что литературное богатство китайского народа представляет собой сокровищницу, которая должна стать достоянием человечества.

Есть все основания утверждать, что вклад В. П. Васильева, внесенный в историю русского китаеведения и, в частности, в изучение китайского языка и литературы, велик и требует освоения. Но, соглашаясь с В. П. Васильевым, необходимо отметить, что его труды есть только «попытка проложить новый путь к ученым трудам по истории китайской литературы»¹, которые еще должны быть созданы.

Несмотря на ряд недостатков, работы В. П. Васильева и по сей день представляют научный и познавательный интерес. Его графическая система китайской письменности, как мы уже отмечали выше, нашла свое воплощение в китайско-русском словаре, которым ныне пользуются китаисты. Его работы по истории китайской литературы, ставшие теперь библиографической редкостью, до сих пор остаются единственными на русском языке.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ИСТОРИК

В своих обширных и разносторонних по тематике исследованиях, охватывавших почти все вопросы китаеведения, В. П. Васильев не мог оставить без внимания историю изучаемой

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 4.

страны. Изданные труды ученого по вопросам истории Китая и сопредельных стран, многочисленные архивные материалы показывают его глубокую и большую работу в этой области.

Рассматривая В. П. Васильева как историка, мы ставим скромную задачу осветить наиболее важные, по нашему мнению, вопросы, показать теоретические взгляды В. П. Васильева в области истории в свете общего состояния исторической мысли в России середины XIX в., осветить подход ученого к первоисточникам и охарактеризовать его главные исторические труды, установив их место в китаеведении.

Изложить исторические взгляды В. П. Васильева в стройной системе, показав понимание им основных, узловых вопросов методологии истории затруднительно, так как его высказывания по этим вопросам весьма отрывочны, а иногда и противоречивы. К тому же они разбросаны по всем работам В. П. Васильева. Все это затрудняет характеристику его теоретических взглядов на историю. Лишь кропотливое изучение печатных работ и архивных материалов В. П. Васильева дает возможность в известной степени вскрыть историческую концепцию ученого.

Общеисторические взгляды В. П. Васильева отражали состояние исторической науки середины XIX в.

Как известно, до середины XIX в. в исторической науке господствовало реакционное дворянское направление, представителем которого являлся Карамзин. Его основной тезис «история народа принадлежит царю» был заложен в капитальном труде «Истории государства Российского». Выражая интересы крепостников-феодалов, Карамзин провозглашал неизблемость самодержавной монархии в России. Основные принципы этой официальной историографии поддерживали славянофилы. Они стремились доказать самобытный путь развития России в период революционных боев во Франции 1830, 1848-х годов и тем самым опровергнуть возможность революции в России. Приписывая русскому народу угодные господствующим классам «национальные» черты — религиозность, покорность и царелюбие, они были прекрасным оружием в руках сторонников реакционной теории «официальной народности», выдвинутой С. С. Уваровым, Ф. В. Булгариным. В историографии эта теория проводилась в работах М. П. Погодина, который видел задачу историка в показе того, что «российская империя может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного порядка»¹.

¹ «История исторической науки в России», т. I, стр. 312—313, 319.

Первая половина XIX в. характеризовалась новыми явлениями в развитии исторической мысли — это, с одной стороны, оформление буржуазной историографии, с виднейшим ее представителем — историком С. М. Соловьевым и, с другой — оформление революционно-демократического направления, основоположниками которого явились В. Г. Белинский и А. И. Герцен, продолжавшие традиции Радищева и декабристов.

И если первое направление отражало интересы буржуазных кругов русского общества, которые не мирились с крепостничеством, но боялись революции и выступлений народных масс, что, кстати, сближало их в этом с представителями дворянской историографии, сторонниками антидемократической, антиреволюционной линии, то второе — было выразителем интересов народных масс. Его характеризовало признание решающей роли народа в истории, глубокое понимание закономерности исторического процесса, развивавшегося на основе борьбы нового со старым ¹.

Вторая половина XIX в. проходит в борьбе этих двух направлений. Эта борьба, несомненно, имела свое влияние на формирование взглядов В. П. Васильева, определяя точку зрения на основные вопросы истории вообще и Китая в частности, а противоречивость его взглядов в известной степени отражала эту борьбу.

Исследуя вопросы истории, истории литературы Китая, В. П. Васильев неоднократно в различных аспектах останавливался на роли народа в историческом процессе. Так, в одной из своих неопубликованных работ он ставил вопрос о значении народа, его труда для ученого.

«Обыкновенно, — пишет он, — ученый любит избранный им предмет; изучает-ли он самый народ или его произведения, он обыкновенно старается придать значение их человеку, их народу, их труду»².

Роль народа в истории В. П. Васильев неоднократно подчеркивал. Останавливаясь на смене династий в Китае, временно принимавшей калейдоскопический характер, он говорил, что «династии меняются, властители меняются, но народ остается тем же народом»³.

Мы находим даже высказывания, которые говорят о том, что любое движение В. П. Васильев считал неудержимым,

¹ История исторической науки в России, т. I, стр. 315.

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

³ В. П. Васильев. Воспоминание об И. И. Захарове, ЖМНП, 1885, ноябрь, стр. 13. Примечание.

если оно народное¹. Такой подход, несомненно, являлся прогрессивным, сближал взгляды В. П. Васильева со взглядами революционных демократов и ставил его несравненно выше историков дворянского и буржуазно-либерального направлений, пренебрегавших народными массами.

Однако эти взгляды на роль народа в истории у В. П. Васильева сочетались с фактологическим изложением истории Китая², хотя это в известной мере оправдывалось тем, что на том этапе развития китаеведения накопление фактического материала все же являлось одной из основных задач. Но, даже излагая историю Китая как смену фактов и событий, ученый отдельными высказываниями показал, что не придает решающего значения роли личности. Так, останавливаясь на деятельности основателей государства Цзинь, монгольской и маньчжурской династий, В. П. Васильев говорил: «... Выступление на поприще Агуды, равно как Чингисхана и, впоследствии, маньчжурского Тайцзу и других есть необходимое следствие положения дел...»³

Это высказывание дает основание полагать, что появление таких личностей, как Агуда, Чингисхан, Тайцзу, В. П. Васильев считал вызванным историческими условиями.

В. П. Васильев не мог дать научного определения классов и говорить о классовой борьбе как движущей силе истории. Он близко подходил к пониманию социальной дифференциации общества, к вопросу о его классовой структуре. Но В. П. Васильев не мог подняться до понимания того, что в основе классового деления общества лежат отношения людей к орудиям и средствам производства. Он, как и просветители 60-х годов, социальные противоречия в обществе усматривал в существовании «богатых» и «бедных»⁴, «большинства» и «меньшинства»⁵.

В. П. Васильев приближался к правильному пониманию исторического процесса. Изучая историю Китая, ученый представлял себе этот процесс как смену определенных ступеней развития от родовых отношений к государственному строю, или, в его терминологии, «государственности»⁶,

¹ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков. «Восточное обозрение», № 7, 1886, стр. 15.

² В. П. Васильев. История Китая (литограф. изд.) б. д. и другие исторические труды.

³ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии с X до XIII века. СПб., 1857, стр. 31.

⁴ В. П. Васильев. Три вопроса. СПб., 1887, стр. 5.

⁵ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, № 160 и др.

⁶ Этот термин широко использовался в исторической литературе середины XIX в. и отождествлялся с понятием «государство».

и делал вывод о том, что история это не повторение одних и тех же явлений, что она есть движение, развитие. Отдельные его высказывания подтверждали это положение.

«Китайская практика не могла создаться вдруг, но была постепенным последовательным развитием. . .»¹, — писал он в адрес сторонников теории неподвижности и окаменелости Китая. Эту же мысль он высказывал, говоря, что «Китай переходит от прогресса к прогрессу»², и, наконец, он говорит о «постоянном развитии гражданской жизни Китая»³.

В. П. Васильев считал создание государства целью деятельности людей. Однако двойственность его исторического мировоззрения нашла здесь выражение в том, что он не доводил своих рассуждений до понимания необходимости революционной борьбы с существующим порядком. Он считал всякую революцию «злом», но неизбежным, в силу того, что «большинство доходит до крайности. . . и ему ничего не оставалось делать, как бунтовать»⁴. Французскую революцию он принял отрицательно⁵. Восстания китайского народа квалифицировал как «разбойнические»⁶.

Как увидим ниже, В. П. Васильев в вопросе о разрешении социальных противоречий смыкался во взглядах с «буржуазно-либеральным направлением» («государственная школа»), считая, что государство, как подклассовая организация, должно нивелировать эти противоречия, не допускать открытых выступлений народа. В этом выразилась теоретическая ограниченность и непоследовательность его взглядов.

«Когда люди не отличались от животных, можно положить, что они все жили одинаково, все были равны, хотя, разумеется, даже и тут физическая сила, возраст, пол ослабляют такое предположение. Как скоро один успел вооружиться палкой, на его стороне оказалось превосходство, другие должны были вооружиться тем же. Не для одной борьбы с природой стало служить оружие — оно обратилось и против себе подобных. Из-за чего люди могли враждовать между собой? Конечно из-за того, чтобы занять лучшее место, где больше удобства жить. Перестали довольствоваться дарами природы, нужно было трудиться, вражда усилилась. Сильные захотели заста-

¹ В. П. Васильев. Очерки истории китайской литературы, стр. 146.

² Там же, стр. 142—143.

³ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, д. 131, л. 25.

⁴ Там же, д. 165.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вить на себя работать слабых, старшие — младших. Потребности развились. Нельзя было всего захватить силой — явилась торговля. Явилось так же. . . (неразобранный слог. — *Авт.*) меньше работать больше, лучше, быстрее. В обществе появились неравенство классов, рабство; бедность сделалась достоянием большинства. Религия поспешила со своими утешениями, но собственно она укрепляла и оправдывала меньшинство. Только государственность могла стремиться к истинному уравниванию классов»¹.

В других своих работах он не отходил от этой точки зрения и лишь подтверждал или развивал ее.

В неопубликованной статье «Иностранцы-ли иностранцы в Китае?» В. П. Васильев касался роли земледелия в образовании классов и государства.

«В ходе общего развития человечества земледелие есть дело нужды. . . Но земледелие приучает человека к труду, сплачивает своих сотрудников, для которых есть непременно завистники; оно развивает в них стремление к отысканию средств обороны от таких завистников, которые не прочь поживиться чужим добром. . . Земледельческий строй требует создать особые условия существования — является залогом, обуславливающим государственность. . .»²

Такая точка зрения на роль государства была характерна так называемой государственной школе в русской историографии XIX в., представителями которой были С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, И. Д. Кавелин и др. Эта школа оказала большое влияние на ряд историков. Несомненно, это влияние сказалось и на взглядах В. П. Васильева. Он считал, что только государство может уничтожить классовые противоречия, в этом он отходил от либерально-буржуазного направления в истории, представленного Т. Н. Грановским, утверждавшим, что целью исторической деятельности людей является государство, освященное церковью³. В. П. Васильев в противоположность этому утверждению говорил только о роли государства: «Государственность могла стремиться к истинному уравниванию всех классов, религия могла проповедывать только братство, равенство, она уговаривала богатого делиться с бедным, но государственность может сделать это не только обязательным, — она должна иметь целью доставить бедняку средство, возвеличить большинство бедных. . . , равенство государственное не то что

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

² Там же, ед. хр. 18.

³ История исторической науки в России, т. 5, стр. 428.

религиозное. . . государственность должна бороться с бедностью и богатством. . .»¹

Как видим, В. П. Васильев приписывал государству решающее значение в вопросе разрешения классовых противоречий причем придавал своим взглядам идеалистическую основу в духе гегельянства.

В. П. Васильев усматривал в климате страны, в устройстве ее поверхности почвы и других географических условиях важные определяющие факторы исторического развития. Однако он понимал всю сложность причин, определявших ход исторической жизни, и отрицал возможность объяснять все явления истории только из географических условий. Об этом он писал неоднократно.

В своем публицистическом труде «Три вопроса» он говорил:

«Утверждать, как делают некоторые, что формы землевладения в том числе и русские общины, зависят от географических (климатических) и этнографических условий, нам кажется очень странным.

Природа, действительно, может иметь влияние на род занятий человека, который окружен ею; так, в лесистых местностях человек является звероловом, в степях — кочевником, но ведь это первобытные, называемые дикими, формы человеческого общества; мы знаем, как там, так и здесь он может переходить к земледелию, если не препятствует почва и климат, последний имел влияние на земледелие только на выборе семян. Мы знаем, что Канада имеет сходство с Россиею по природе и климату. Отчего-же там не выработались те-же формы, как у нас? Да разве у нас не только в одной и той же губернии, но и в одном и том-же уезде не встречается и общинное, и частное и крупное и мелкое землевладение? Какая-же тут зависимость от природы и климата?»²

В. П. Васильев правильно ставил вопрос, считая, что географические и этнографические условия являются одними из постоянно действующих условий развития общества, но не являющимися определяющими. Он не понимал, да и не мог дойти до понимания того, что главной силой в системе условий материальной жизни общества является способ производства. Этот вопрос он разрешал идеалистически, считая, что направление развития всецело зависит от правительства и его деятельности³, а основной силой прогресса в обществе является просвещение.

¹ Архив АН СССР, ф. 775, № 160.

² В. П. Васильев. Три вопроса, стр. 38.

³ Там же.

Вопросам развития просвещения В. П. Васильев уделял много внимания и для России, и для Китая. Причиной отсталости восточных народов он считал существовавшую систему образования, при которой преобладали бесполезные науки. Считая, что прогресс общества состоит в накоплении знаний, В. П. Васильев ратовал за развитие техники и промышленности.

В. П. Васильев, глубоко изучив историческую литературу Китая, с большой осторожностью подходил к источникам, придавая их достоверности огромное значение.

Изучая китайские источники, он считал необходимым не доверять слепо огромным фолиантам историй, но критически подходить к фактам, изложенным в них.

Он писал: «С первого взгляда на полное собрание китайской истории можно подумать, что в ней уже все сделано и что знающему китайский язык стоит только читать многотомные сочинения и извлекать из них машинально сведения, но на деле оказывается совсем не то. Кроме странного расположения, которое заставляет занимающихся перебирать все сочинения для того, чтобы получить полное понятие об одном каком-нибудь отдельном событии, кроме утомительного труда, кроме постоянного критического напряжения, которое однакож может открыть истину только при полном изучении предмета, историку сверх того постоянно представляются вопросы, которым он напрасно ищет разрешение, постоянно встречает он искажения, пропуски. . .»¹ Он не раз подчеркивал трудность в изучении этих источников. «...Каких трудов европейскому ученому стоит усвоение собственного воззрения в тех фактах, которые ему передают китайцы»².

Для В. П. Васильева было ясно, что подоплека фальсификации истории была политической и никакого беспристрастия у китайских историков он не видел.

«Но такие фокусы, — писал он, — которые позволяет себе делать правительство в отношении к исторической истине, бросают сильное подозрение на всю китайскую историю. Известно, что самыми лучшими объяснениями в этом роде считаются так называемые официальные истории. Дело истории всегда считалось в Китае делом государственным. Правительство, наследующее предыдущей династии, почитает своей обязанностью издать истории предшествовавшей, но это самое обстоятельство дает ему право высказать свое влияние на из-

¹ В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин. СПб., 1863, стр. 5.

² Там же.

вестные факты. Потому уверение, что в Китае все делается беспристрастно, в отношении истории оказывается ложным»¹.

Политической стороне производимых искажений исторических хроник В. П. Васильев придавал большое значение и не раз писал об этом.

В труде «Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин» В. П. Васильев подробно коснулся этого вопроса на конкретных данных. При выяснении вопросов этногенеза маньчжуров он обратил внимание на отсутствие материалов по этой теме в династийной истории Мин.

«Но что за причина, что само маньчжурское правительство не старалось нисколько о собрании и сохранении подобных сведений — ясно видно, что здесь расчет чисто политический, что при Минской династии судьба маньчжуров была незавидна. . . надо было показать свое высокое происхождение, чего не было на самом деле, и этой фальсификацией упрочивали представление в своих подчиненных о превосходстве над другими династиями. . .»²

Критический подход к источникам он считал единственно правильным и главной основой всей научной работы. Видя фальсификацию китайских исторических трудов, он все же считал необходимым их использование.

«Китайская история более чем наполовину набита докладами или изустными мнениями и представлениями чиновников: оттого простой перевод ее покажется так безвкусным европейскому читателю. Но если бы мы взглянули пристальнее, если бы глубже вникли в дух и жизнь китайской нации, то сколько жизни, борьбы идей открылось бы перед нами в этой истории. . .»³

Он одобрял и приветствовал критический подход к источникам и еще в молодые годы бичевал тех, кто слепо им доверял. Так, еще будучи в Китае, в 40-х годах прошлого столетия, он очень резко осудил работу Крымского «О конфуцианстве»: «Такое множество книг (о конфуцианстве. — *Авт.*), написанных в разные времена разными лицами и с разными целями, надобно было бы разобрать и обсудить наперед критически, или, по крайней мере, брать с разбором, судя, что идет и что нет, что вытекает из самого учения Конфуция и что — нет. Таким образом истолковать все противоречия, которые вы легко встретите»⁴.

¹ В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах, стр. 5.

² Там же, стр. 11—12.

³ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 140.

⁴ Архив АН СССР, ф. 775. оп. 1, ед. хр. 38/2. Пекинские дневники.

В. П. Васильев не создал капитального труда по истории Китая. Его изыскания в этой области внешне посвящены изучению сопредельных с Китаем стран. Однако тщательное изучение всех трудов ученого убеждает, что основные вопросы истории Китая были затронуты В. П. Васильевым в той или иной связи в самых разнообразных по содержанию работах.

В. П. Васильев явился преемником и прямым продолжателем дела Бичурина. Исторические изыскания и переводы не были для ученого случайностью. Он ясно представлял свои задачи в этой области. В предисловии к своему капитальному историческому труду, насыщенному богатым фактическим материалом, «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века», он на первых же страницах излагает эти цели: «Труды о. Иакинфа, кроме вышесказанного издания (т. е. «Сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — *Авт.*), «История четырех ханов из дома Чингисова», «История Тибета и Хухенора», «Описание Восточного Туркестана», представляют собрание всех главнейших материалов касательно страны и народов в ней живших на протяжении всего исторического времени, какие только имеются в китайских официальных историях. . . Но для всякого, сколько-нибудь знакомого с упомянутыми сочинениями очевидно, что между историей народов Средней Азии и эпохой Чингисхана находится пропуск на пространстве трех столетий. . . Итак: история Средней Азии доведена им только до конца Танской династии до начала X века. . . О. Иакинф передал (в «Истории Тибета и Хухенора») историю царства Ся, но оставил без внимания историю Киданей и сменивших их маньчжуров — чжурчженей. . . Между тем история этих двух династий составляет один из важнейших факторов среднеазиатской истории, без них мы не поймем даже причины появления Чингис-хана и предводимых им Монголов. Потому. . . мы решились, по возможности, дополнить сказанный недостаток». ¹

Выполняя эту задачу, В. П. Васильев написал книгу «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века», чем сомкнул раннюю историю Средней Азии, данную китаеведению о. Иакинфом, с «Историей четырех ханов из дома Чингисова», им же написанной, т. е. с начальной историей первых монгольских правителей. Своей книгой В. П. Васильев ввел в научный обиход богатый конкретный материал по истории Китая и сопредельных стран.

¹ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, стр. 2—3.

Продолжая ту же линию, В. П. Васильев издал другой не менее ценный труд, ставший его докторской диссертацией: «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин»¹, где показал раннюю историю маньчжур, подойдя вплотную к истории маньчжурской династии, правившей в то время в Китае (1644—1911).

Таким образом, В. П. Васильев завершил начатую И. Бичуриным работу по истории народов, тесно связанных с историей китайского народа.

Эти две работы и до настоящего времени не потеряли своего научного значения не только для истории Китая. Они важны как источники для изучения истории народов Средней Азии X—XIII вв. киданей, чжурчженей и государства тангутов и удачно дополняют «Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Бичурина.

Освещая историю маньчжурской династии, Васильев издал переводы из «Шэн-у-цзи»², в которых рассказывается об освоении маньчжурами сопредельных земель, и написал ряд мелких статей и заметок, тематически связанных с тем же вопросом, а именно «Приведение монголов к покорности в начале Дайцинской династии»³, где дал много новых данных по истории монголов, «Записки о Нингутах»⁴, «К хронологии Чингис-хана и его преемников»⁵, «Русско-китайские трактаты»⁶ и «Открытие Китая»⁷.

В. П. Васильев занимался также вопросами археологии Китая. Им написаны статьи: «Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне»⁸, «О снимке с китайской надписи, полученном Академией от российского консула в Кашгаре г. Петровского»⁹. «Записки о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр, близ устья Амура»¹⁰, «О китайской монете, найденной в деревне Булгарах на Волге»¹¹.

¹ Издана в 1859 г. СПб., отд. отт., изд. 1861.

² Примечания к I вып. «Китайской хрестоматии». СПб., 1897, стр. 98—143.

³ ЗРГО, VI, СПб., 1883, вышла также отдельным приложением к III тому «Очерков Северо-западной Монголии» Г. Н. Потанина.

⁴ ЗРГО, 1857.

⁵ ЗВОРАО, т. IV, стр. 375—381.

⁶ СПб., 1862, отд. отт. из «Северной пчелы» за 1861 г.

⁷ Изд. журнала «Вестник всемирной истории». СПб., стол. тип., 1900.

⁸ Сборник трудов Орхонской экспедиции III. СПб., 1897.

⁹ Донесение, читанное на заседании ИФО 28 X 1886. СПб., 1887.

¹⁰ Изв. Акад. Наук, 1896, т. IV, № 4, стр. 365—367.

¹¹ Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при императорском Казань-те, т. I, 1878, стр. 122—123.

Много работ В. П. Васильева по истории Китая остались неопубликованными. Архив ученого хранит обширные материалы по разным вопросам истории; эти материалы количественно уступают только буддологическим. Главные из них: «О народонаселении Китая» — по поводу работы И. И. Захарова «Народ и население Китая», «Биография Ван Ань-ши», «О торговле Китая в Кульдже, Чугучаке», «Записки о монголо-татарах» и другие многочисленные записи, черновые наброски, переводы, рецензии и т. п.¹ Каждая из названных работ вполне закончена и не напечатана, видимо, лишь по причинам, не зависящим от В. П. Васильева.

В своих исторических трудах В. П. Васильев много писал по вопросу о происхождении китайского народа, далеко опередив западноевропейское востоковедение, доказывая автохтонность происхождения китайцев. Вопреки утвердившимся в то время в науке точкам зрения, В. П. Васильев высказал мнение, что предки китайского народа не были пришлыми, а жили всегда на территории собственно Китая. Этого вопроса ученый касался во многих работах, но особенно отчетливо говорил о нем в «Очерках по истории китайской литературы» и в неизданной, весьма интересной работе «Иностранцы-ли иностранцы в Китае?», хранящейся в его архиве.

Опровергая существовавшую точку зрения и затрагивая вопросы общего порядка — об образовании китайского государства, о китайском феодализме, о древней китайской литературе и ее достоверности, В. П. Васильев приводил в указанных работах свои доказательства. «Сами китайцы, — говорил он, — любящие возносить свои рассказы в самую глубокую древность, хотя за миллионы лет, никогда и нигде не говорят, чтоб они прежде жили где-нибудь в другом месте»². И далее:

«Нужно-ли необходимо предполагать, что в знаменитом изгибе р. Хуан-хэ, там, где она, после значительного течения на север (теперешняя Монголия), на юге круто поворачивает на восток, явился пришелец из дальних и чужих стран и завел там новый порядок, ввел образ жизни, совершенно несходный с окружающим бытом его. Эти перемены могли бы действительно привести к предположению, что новая личность, набравшись где-то ядали неизвестными на месте орудиями, с помощью их не только утвердилась самостоятельно, но даже подчинила,

¹ См. опись архивных материалов академика В. П. Васильева. Приложение 3.

² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

если не власти, то по крайней мере влиянию, часть местных обитателей. . .»¹

Для доказательства своей точки зрения В. П. Васильев, не располагая в то время археологическими данными, бесспорно доказывавшими автохтонность происхождения китайцев, основывался на данных хорошо изученной им древней китайской литературы.

Он приводил легенды Ши-цзина о Хоу-цзи и говорил: «Хоу-Цзи считается изобретателем земледелия — нужно-ли непременно, чтобы дойти до него, прийти из далекого Запада?»²

Точка зрения В. П. Васильева ломала принятые в китаеведении взгляды на происхождение китайского народа. Поэтому она была полностью отвергнута почти всеми западноевропейскими учеными.

Современные достижения китайской археологии дают возможность доказать правильность взглядов В. П. Васильева об автохтонном происхождении китайцев. Китайская и советская наука считает, что культура китайского народа зародилась в долине реки Хуанхэ. Однако под влиянием этнических передвижений она явилась результатом сложного взаимодействия с культурой окружающих племен.

В. П. Васильев раздвинул хронологические рамки изучения Китая и значительно расширил источниковедческую основу китаеведения, введя в научный оборот новый материал по истории Китая. Однако, будучи представителем идеалистического направления в истории, оставаясь в рамках буржуазной исторической мысли, он до конца жизни оставался буржуазным ученым прогрессивного направления. Но это не отнимает у нас права считать его крупным историком-китаеведом.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ [КАК ГЕОГРАФ КИТАЯ]

В многогранном творчестве В. П. Васильева особое место занимают труды по географии Китая, составляющие примерно одну четверть его печатных работ. Это обстоятельство дает основания поставить вопрос о значении географических трудов В. П. Васильева.

В. П. Васильев не имел специального географического образования, и если впоследствии он стал первоклассным географом, то только благодаря своему исключительному таланту и необычайной трудоспособности.

¹ Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

² Там же.

По мнению В. П. Васильева, география и история представляли собою единую, тесно спаянную цепь. Поэтому, объясняя различные географические явления, он нередко сопровождал их экскурсами в историю и, наоборот, излагая историю, опирался на данные географии. «Для того, чтобы исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географию, сперва новую, потом древнюю»¹. Пользуясь неизменно этим методом в своих исторических трудах, В. П. Васильев хорошо сознавал сложность причин, определявших ход исторического развития и решительно восставал против попыток объяснять все жизненные явления только географическими и этнографическими факторами².

Географические работы В. П. Васильева выросли из потребностей университетского преподавания. Стремясь обеспечить слушателей необходимыми учебными пособиями, совершенно отсутствовавшими в те времена, он и приступил к изданию серии хрестоматий по китайскому языку, включив туда очерки по истории и географии Китая и снабдив их переводами и ценнейшими историко-литературными и географическими комментариями. Кроме того, им были написаны «Краткий очерк географии Китая», «Политико-географическое обозрение Китая», изданное в литографированном виде в качестве дополнения к первому выпуску китайской хрестоматии (1867—1868). «Краткий очерк географии Китая», в котором в сжатой, конспективной форме изложены основы географии этой страны, может служить образцом для всякого географа. В этой работе раскрывался широкий ум энциклопедиста, с возможной полнотой излагавшего географию страны в связи с историей ее изучения, подкрепляя последнюю обзором путешествий. Скупыми, но вместе с тем, яркими и живыми штрихами знакомит нас Васильев в «Очерке» с территорией Китая, орографией и гидрографией. В. П. Васильев не ограничивался только описательной географией: он постоянно вникал в самое существо вопроса и нередко высказывал критические и оригинальные суждения. Судя по объему и разнообразному характеру географических трудов В. П. Васильева, можно заключить, что интерес к географии не ослабевал у него всю жизнь.

Как известно, в 1858 г. к России был присоединен Амурский край, благодаря чему границы страны придвинулись непосредственно к северо-восточной части Китая — Маньчжурии. В связи

¹ Записки о Нингуте. Вестник РГО, кн. XII, стр. 79.

² В. В. Бартольд. Исторические и географические труды В. П. Васильева. «Известия Российской Академии наук», 1918, стр. 551.

с этим последовал ряд работ В. П. Васильева, посвященных этой стране. Важнейшей из них являлось историко-географическое исследование о происхождении маньчжуров «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин», которая впоследствии была представлена В. П. Васильевым в качестве докторской диссертации.

Несмотря на то, что эта работа принадлежала к категории исторических исследований, научно-критически разбиравших свод сведений о народах, обитавших в древнейшего времени в Маньчжурии, в ней немало и чисто географических данных; перечислены древнейшие города, описаны горы и реки.

В самой тесной связи с этой работой стоял другой труд В. П. Васильева — «Описание Маньчжурии», носящий траповедческий характер. К «Описанию Маньчжурии» В. П. Васильев присоединил в качестве дополнения свои «Записки о Нингуте», также содержащие богатый материал по географии юго-восточной Маньчжурии. Обе названные работы знакомят читателя с географическим и административным делением страны и дают подробные сведения о крепостях, городах и их населении, причем особое внимание отводится сухопутным и водным путям сообщения, по широко задуманному автором плану. Обе работы должны были явиться составными частями обширного общего описания Маньчжурии.

Используя китайскую классическую энциклопедию по гидрографии Китая «Шуй-хо жи-ган», В. П. Васильев составил «Описание больших рек, впадающих в Амур»¹. Эту работу в 1894 г., еще до появления ее в печати, автор представил русскому генерал-губернатору Восточной Сибири, прося его проверить приводившиеся сведения практически. В своем представлении по этому поводу В. П. Васильев говорил: «Так как ныне течение Амура сделалось известным русским топографам, то мы можем уже оставить в стороне китайские источники, напротив, течение Сунгари, Уссури и Нонницзян до сих пор еще не исследованы и потому мы прилагаем в конце перевода китайское описание этих рек. . . Здесь скорее можно положиться на описание, составленное со слов местных жителей. Это описание тем и драгоценно, что показывает вместе с реками и направление горных хребтов»². В небольшой статье «О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии»³ В. П. Васильев

¹ Вестник РГО, 1857, ч. XIX, № 2, стр. 109—125; 1858, ч. XXIII, № 5, стр. 25—36.

² В. П. Васильев. Описание Маньчжурии, стр. 10.

³ Вестник РГО, 1855, ч. XV.

Krieger'sch adre up nachgabekumf uns befruchtete
 10. 11. 1891
 1. 1. 1892
 2. 1. 1892
 3. 1. 1892
 4. 1. 1892
 5. 1. 1892
 6. 1. 1892
 7. 1. 1892
 8. 1. 1892
 9. 1. 1892
 10. 1. 1892
 11. 1. 1892
 12. 1. 1892
 13. 1. 1892
 14. 1. 1892
 15. 1. 1892
 16. 1. 1892
 17. 1. 1892
 18. 1. 1892
 19. 1. 1892
 20. 1. 1892
 21. 1. 1892
 22. 1. 1892
 23. 1. 1892
 24. 1. 1892
 25. 1. 1892
 26. 1. 1892
 27. 1. 1892
 28. 1. 1892
 29. 1. 1892
 30. 1. 1892
 31. 1. 1892
 32. 1. 1892
 33. 1. 1892
 34. 1. 1892
 35. 1. 1892
 36. 1. 1892
 37. 1. 1892
 38. 1. 1892
 39. 1. 1892
 40. 1. 1892
 41. 1. 1892
 42. 1. 1892
 43. 1. 1892
 44. 1. 1892
 45. 1. 1892
 46. 1. 1892
 47. 1. 1892
 48. 1. 1892
 49. 1. 1892
 50. 1. 1892
 51. 1. 1892
 52. 1. 1892
 53. 1. 1892
 54. 1. 1892
 55. 1. 1892
 56. 1. 1892
 57. 1. 1892
 58. 1. 1892
 59. 1. 1892
 60. 1. 1892
 61. 1. 1892
 62. 1. 1892
 63. 1. 1892
 64. 1. 1892
 65. 1. 1892
 66. 1. 1892
 67. 1. 1892
 68. 1. 1892
 69. 1. 1892
 70. 1. 1892
 71. 1. 1892
 72. 1. 1892
 73. 1. 1892
 74. 1. 1892
 75. 1. 1892
 76. 1. 1892
 77. 1. 1892
 78. 1. 1892
 79. 1. 1892
 80. 1. 1892
 81. 1. 1892
 82. 1. 1892
 83. 1. 1892
 84. 1. 1892
 85. 1. 1892
 86. 1. 1892
 87. 1. 1892
 88. 1. 1892
 89. 1. 1892
 90. 1. 1892
 91. 1. 1892
 92. 1. 1892
 93. 1. 1892
 94. 1. 1892
 95. 1. 1892
 96. 1. 1892
 97. 1. 1892
 98. 1. 1892
 99. 1. 1892
 100. 1. 1892

[illegible]

описывал извержение вулкана около г. Мергень, происходившее в 1721 г. Весьма характерным в этом описании явилось то, что для обработки данной, казалось бы, не столь важной темы, В. П. Васильев привлек разнообразные китайские источники, вплоть до записей очевидцев, и путем перекрестного сопоставления материала нарисовал яркую картину извержения. В небольшой по объему, но капитальной по содержанию статье «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях»¹, являвшейся вместе с тем первой печатной статьей В. П. Васильева, он дал определение Центральной Азии как страны «спертых вод, окруженной со всех сторон системами рек и озер, доходящих до океанов». Академик В. В. Бартольд по этому поводу говорил: «Даже в русской научной литературе приоритет такого определения приписывается Рихтгофену и то, что русским ученым было дано такое определение за 25 лет до появления труда Рихтгофена до сих пор не было отмечено»².

Наконец, третья категория географических трудов В. П. Васильева была тесно связана с его работой по истории буддизма. Здесь прежде всего надлежит отметить так называемую «Географию Тибета», переводное тибетское сочинение, написанное помощником Консistorского управления ламами и их монастырями в Пекине — Миньчжула Хутухтой (умер в 1839 г.). Книга являлась описанием путешествия Хутухты из Тибета в Китай и охватывала Индию и Непал. По форме изложения сочинение носило характер детально обработанного дорожника. Интерес к этому сочинению возник у В. П. Васильева при исследовании вопроса о путях проникновения буддизма в Китай. С этой же целью В. П. Васильев привлек и другое сочинение того же автора по географии сопредельных с Тибетом окраин Индии (Непал), предполагая в дальнейшем сопоставить эти сведения с материалами из перевода «Си-юй-цзи» («Записки о западных странах») Сюань Цзана (602—664) и записок о буддийских странах монаха И Цина (635—713). В географии Хутухты приведены сведения о Гималайских хребтах, реках, озерах, климате и пр. Однако следует указать, что перевод, местами дословный, являлся черновым. Заслугой переводчика являлись обширные исторические и филологические примечания, а также приведенные в нужных случаях тибетские и китайские адекватные термины.

В. П. Васильев познакомил нас со смелой гипотезой китайцев о возможности соединения реки Тарима, бывшей ранее более

¹ Журнал Мин-ва нар. просвещ., ч. 73 (1852), отд. II, стр. 117—132.

² В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 553.

полноводной, и Хуанхэ. «У китайцев существует с древнего времени поверье, что эта река (Тарим. — *Ред.*) есть не что иное, как верхнее течение их реки Хуанхэ». И далее: «Говорят, что эта река прежде протекала в середине Монголии и впадала в Восточный океан, но так как случилось, что китайцы и торговцы проводили из нее каналы для орошения, то вода пресеклась. . . Известно, что и китайцы считают Тарим соединяющимся с р. Хуанхэ подземными путями, не обращая внимания на высоту последних. Но если вести тот же Тарим из Лоб-нора прямо на восток через озера Хас. Хара, Хуахайцзы, Соб-нор, Чанпанху, Юйхай, предполагая, что все они образовались, подобно Лоб-нору, от засорившихся речных русел, превратившихся в озера и что некогда все реки, образовавшие эти озера, впадали в Тарим, соединявшийся с Хуанхэ, в Ордосе, то на это мнение желательно было бы обратить внимание будущих путешественников»¹.

Параллельно с этим Васильев, кажется, первым высказал предположение о том, что реки нынешних Казахской, Киргизской и Узбекской республик в древние времена составляли единую водную систему р. Сыр-Дарьи, являясь ее притоками.

В. П. Васильев уделял большое внимание картографии Китая. Еще во время пребывания в Пекине он издал большую карту Китая на китайском языке, впоследствии переданную им в С.-Петербургский университет. Кроме того, он составил исторические карты Китая при 12 последовательных династиях. Этот труд, насколько известно, не был издан². Впоследствии В. П. Васильев принимал участие в редактировании составленного З. Л. Матусовским «Географического обозрения китайской империи» и приложенной к нему специальной карты.

В «Очерке истории китайской литературы» в разделе «Сочинения по истории и географии» помещен небольшой, но весьма важный фрагмент по истории развития географической науки в Китае. В этой статье В. П. Васильев в самой сжатой форме дал критико-исторический анализ главнейших сочинений по географии и дал обзор литературы, оставленной пилигримами.

В связи с этим заслуживают особого внимания составленные В. П. Васильевым аннотации к богатейшему и уникальнейшему китайскому книжному фонду по всем отраслям китаеведения и, в частности, географии, хранящихся ныне в Библиотеке Восточного факультета ЛГУ (приложение к «Материалам по китайской литературе»). В эти аннотации, охватывавшие все сочи-

¹ В. П. Васильев. География Тибета, стр. 6. Примечание 1.

² В. П. Васильев. Указ. соч., стр. 550.

нения указанного фонда, автор, кроме обычных библиографических аттестаций, включил критический анализ отдельных произведений и ценнейшие по своей содержательности комментарии, которые могут рассматриваться как практические дополнительные курсы китайской литературы и как географические пособия. Проаннотированную часть географического фонда составляет 125 названий, но сюда же, собственно говоря, следовало бы внести географические разделы исторических сочинений, а также статьи энциклопедий, представлявшие, по существу, самостоятельные географические очерки.

В ряду географических трудов В. П. Васильева особое место занимал перевод краткого «Дорожника члена Государственного совета (найда гьянь) Масыха в поход на север до границы». В нем описан маршрут следования отряда Масыха от Калгана до Гоби и далее к Цэцэн-ханской ставке, где произошло соединение отряда с основными войсками. Дорожник умалчивал о самих военных действиях и ограничился лишь сообщением кратких сведений о рельефе, климате, флоре и фауне на пройденном пути.

В заключение следует указать, что, кроме вышеперечисленных трудов, перу академика В. П. Васильева принадлежало еще некоторое количество более мелких статей и заметок, которые также можно отнести к циклу его географических работ¹: «По поводу путешествия Гюка и Габэ в Тибет (1844—1846)»; «Критические отзывы о трудах путешественников Пясецкого П. Я. и Потанина Г. Н.»; «Воспоминания о Пекине»; «Предложение о выборе путешественника в Китай»; «Трава му-суй»; «О падении Кульджи».

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУДДИЗМА

В. П. Васильев был не только крупнейшим знатоком Китая, но и выдающимся исследователем буддизма. Повидимому, интерес к буддизму пробудился у В. П. Васильева под влиянием известного монголиста О. М. Ковалевского, много занимавшегося буддизмом по монгольским источникам, и под воздействием монгольской литературы, которую читал В. П. Васильев для освоения монгольского языка; — литературы преимущественно буддийского содержания, непонятной без знания основ буддизма. Уже в самый ранний период научной деятельности Васильева вопросы изучения буддизма заняли главное место в кругу

¹ См. приложенную библиографию трудов В. П. Васильева.

его научных интересов, доказательством чего служат темы его диссертаций: кандидатская — «Дух Алтан Гэрэла» (1837) и магистерская — «Об основаниях буддийской философии» (1839).

Уехав в Пекин для усовершенствования в китайском и тибетском языках, Васильев принялся за систематическое и углубленное изучение литературы буддизма по китайским и тибетским источникам. В. П. Васильев под руководством местных знатоков языка прочитал огромное количество буддийских текстов, сделал извлечения из трудов по истории, философии и догматике буддизма и приобрел глубокие познания в этой сложной религиозно-философской системе.

В Пекине В. П. Васильев вчерне подготовил ¹ многотомный труд под общим заглавием: «Буддизм. Его догматы, история и литература», который по замыслу автора должен был явиться своего рода энциклопедией буддизма. Вот что писал об этом сам В. П. Васильев в предисловии к первому тому: «. . . Предлагаемое здесь общее обозрение Буддизма составляет только малую часть всего мною написанного; это только введение к тем трудам, которые служили для него основанием, к трудам, которые имеют целью развитие и оправдание того, о чем здесь сказано коротко и часто в виде предположения. Таковы: 1) Буддийские догматы, изложенные в объяснении на терминологический лексикон Махавьютпатти. 2) Обозрение Буддийской литературы. 3) История Буддизма в Индии, перевод с тибетского сочинения Даранаты. 4) История Буддизма в Тибете. 5) Наконец, Путешествие Сюань-цзана в Индию (перевод с китайского). Все это не лишено внутренней между собой связи и обнимает все, что только можно желать знать о Буддизме»².

Когда в 1850 г. В. П. Васильев вернулся в Россию, он был уже вполне сложившимся ученым, создавшим к этому времени обширные работы, которые он надеялся издать в России во славу русской науки. Но на родине его ожидало полное разочарование. Он не только не встретил поддержки и поощрения, но не нашлось человека, который мог бы оценить значение его трудов, — «этот предмет так мало интересовал наших соотечественников»³, — и не было учреждения, которое согласи-

¹ «Приготовленные мною материалы требуют еще тщательной отделки и поправок и пополнений. . .» Буддизм. Его догматы, история и литература, ч. I. Общее обозрение. СПб., 1857, стр. VI (в дальнейшем: Буддизм).

² Там же, ч. I, стр. IV.

³ Там же, ч. III. История Буддизма в Индии, сочинение Даранаты, перевод с тибетского. СПб., 1869, стр. XII.

лось бы издать эти очень специальные труды, составлявшие целую библиотеку. Из этого ценнейшего материала В. П. Васильев с большим трудом смог опубликовать лишь «Общее обозрение»¹ да «Историю Буддизма в Индии»² — работы, навсегда занявшие почетное место в истории изучения буддизма. Но это была лишь малая часть его материалов и не она определяла значение В. П. Васильева, как специалиста по буддизму. Необходимо помнить, что он привез в переводах, выдержках и обзорах весь китайский канон буддийского писания, извлечения из громадного количества китайских и тибетских книг догматического, философского и исторического содержания — тысячи листов собственных рукописей. Эти работы остались неопубликованными и многие из них погибли³.

В. П. Васильев опередил развитие науки о буддизме, и это явилось трагедией его жизни. Разочарованный, он писал: «Между тем время летит и с ним направление моих занятий все более и более обращается в ту сторону, которая не подает мне надежды, что я могу в скором времени заняться отделкой уже написанного; время летит и делает труды, которые могли казаться довольно свежими за несколько лет перед тем, запоздалыми и несоответствующими состоянию науки; изолированная деятельность ученого пропадает даром в неизвестности и если дело касается славы русского имени, убеждения, что и русские могут со своей стороны сделать что-нибудь для науки, то тем более не заслуживает ли сожаления безвестная смерть многолетней деятельности. . .»⁴

Среди сохранившихся в архиве рукописных трудов В. П. Васильева наиболее крупным по объему является «Комментарий к Махавьютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон», который по замыслу В. П. Васильева должен был дать подробное толкование 9565 буддийских терминов, собранных в словаре Махавьютпатти. В архиве В. П. Васильева этот словарь сохранился в двух больших переплетенных томах, из которых первый имеет 1205 страниц автора, а второй — 922. Но не все страницы заполнены комментариями, многие десятки и даже сотни страниц оставлены пустыми и имеют лишь санскритские термины из Махавьютпатти с переводом на тибетский, монгольский и китайский языки. Однако количество готовых

¹ Буддизм, ч. I.

² Там же, ч. III.

³ С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. «Известия Российской Академии наук», 1918, стр. 590.

⁴ Буддизм, ч. I, стр. VI—VII.

статей, несмотря на указанные пробелы, все же очень велико, и большинство из них содержит (по крайней мере в деталях) сведения, до сих пор не использованные в европейской литературе по буддизму. Некоторые из статей дают почти сплошь новый материал не только для того времени, но и для настоящего ¹.

Сохранилась также рукопись, названная «Обозрение буддийской литературы», состоящая из двух частей:

1) «Обозрение буддийской литературы по школам». Эта часть, составленная главным образом на основании сидданта Джамяна Шадба и Джанджа Хутухты, не закончена. В. П. Васильев успел написать лишь четыре главы: Хинаяна, Йогачара, Маджхика и Виная, содержащие перечень санскритских трактатов, переведенных на тибетский и китайский языки, расположенных по указанным четырем рубрикам, с упоминанием имени автора и переводчика, числа глав и т. д. в каждом. Этого рода сведения о тех же трактатах и даже более точные имеются в каталогах Bunyiu Nanjio и P. Cordier, но более или менее подробные анализы или, по крайней мере, характеристики (в отделе Винаи) почти всех этих трактатов имеются только у В. П. Васильева ².

2) Перевод с китайского аннотированной библиографии буддийского канона, составленной в 1654 г. монахом Чжисюй'ем 智旭, назвавшим свое сочинение Юе-цзан-чжизинь 閱藏知津. Эта библиография содержит очень подробный анализ сочинений, входящих в состав китайского канона, о содержании которых и доныне почти ничего неизвестно и является важнейшим справочником, почти не имеющим себе равных по богатству материала ³.

Также представляет интерес рукопись «История буддизма в Тибете». Она занимает около 8 печ. листов и является сокращенным изложением преимущественно политических событий в Тибете до 1746 г., сделанным по второй части «Истории буддизма» Сумба Хутухты. К этому приложены еще подробнейшие хронологические таблицы (более 4 печ. листов), составленные Сумба Хутухтой и переведенные В. П. Васильевым на европейское летосчисление ⁴.

«Путешествие Сюань-цзана» также сохранилось в бумагах В. П. Васильева. Эта рукопись приблизительно в 25 печ. листов

¹ М. И. Тубянский. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. «Доклады Академии наук СССР», 1927, стр. 59—64.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Depend on

1890. 10. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 8

三
 三
 三

Первая страница рукописи В. П. Васильева
«Буддологический лексикон»

и заключает в себе полный перевод «Путешествия». Будь эта работа напечатана в свое время, честь опубликования первого перевода на европейский язык такого важного для науки произведения принадлежала бы русскому ученому. Сейчас же, после работ Биля, Воттерса и других, перевод В. П. Васильева представляет интерес только для истории русского востоковедения.

Надо думать, что многие бумаги, относящиеся к вышеперечисленным трудам, несомненно, пропали, но и то, что сохранилось, дает достаточное представление о той титанической работе в области изучения буддизма, которую выполнил В. П. Васильев.

Хотя В. П. Васильеву и не удалось опубликовать полностью все эти труды, но даже та небольшая часть их, которая смогла увидеть свет, имела огромное значение для науки. Его «Общее обозрение»¹ буддизма, излагающее в сжатой форме взгляды автора на буддизм и на методы его изучения, полное новых идей, смелых гипотез и оригинальных толкований, базировавшихся на богатейшем фактическом материале китайских и тибетских источников, вместе с капитальным трудом Бюрнуфа², положило начало систематическому и планомерному исследованию буддизма в Европе.

«Общее обозрение», рассматриваемое в отрыве от других его работ, имело несколько догматический характер, но это объяснялось намерением автора дать в «Обозрении буддийской литературы» и в «Терминологическом лексиконе» богатый материал для обоснования положений, выдвинутых в «Общем обозрении».

В. П. Васильев настаивал на необходимости изучения буддизма в его историческом развитии, ибо без картины исторического развития немислимо понимание буддизма в любой стадии его развития. Он предупреждал, что нельзя изучать буддизм по случайно выбранным или нарочито подобранным памятникам, и привлекал внимание ученого мира к богатейшей канонической и экзегетической литературе на китайском и тибетском языках.

В. П. Васильев в исследовании буддизма шел далеко впереди своих европейских коллег. То, чем он занимался еще в половине XIX в., стало объектом исследований ученых других стран лишь с конца XIX—начала XX в.

«Представьте себе, — писал С. Ф. Ольденбург, — что опубликован был весь тот материал, который он привез из Пекина,

¹ Буддизм, ч. I.

² E. Burnouf. Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien, I partie, Paris, 1844.

как результат десятилетнего труда и опубликован тогда же, в пятидесятых годах прошлого века, и вы должны признать, что все изучение буддизма повернуло бы по другому пути и мы бы давно уже имели настоящее представление о буддизме и его историческом развитии»¹.

Большая и важная работа пропала для ученого мира. Но будь все это опубликовано своевременно, не смог бы С. Леви в 1894 г. сказать: «Буддизм сейчас в моде; о нем много говорят и о нем ничего не знают»².

В. П. ВАСИЛЬЕВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Переведенный в 1855 г. из Казанского университета на вновь образованный Восточный факультет Петербургского университета, В. П. Васильев почти полвека отдал делу воспитания кадров китаеведов. До самой смерти он занимал кафедру китайского языка и был бессменным деканом Восточного факультета с 1878 по 1893 г. В. П. Васильев заботился об укреплении факультета и подготовке русских ученых-востоковедов.

Еще в Казанском университете, не зная о существовании особой комиссии по разработке проекта создания Азиатского института, он выдвинул свой проект, изложенный им в «Краткой записке об учреждении центрального учебного заведения восточных языков». В этой «Записке» В. П. Васильев писал, что он не будет «доказывать пользу и необходимость изучения восточных языков в России. . .», а «. . . желает только показать средства, при которых изучение восточных языков в России могло бы удовлетворить и условия науки и требования государственного управления»³. Поэтому он прежде всего предлагал «сосредоточить преподавание восточных языков в одном месте, разумеется, полезнее всего в С.-Петербурге⁴, как центре умственной деятельности»⁵.

Он выдвигал широкую программу преподавания восточных языков в этом учебном заведении и считал необходимым ввести там ряд специальных предметов, обеспечивавших достаточную

¹ С. Ф. Ольденбург. Указ. соч., стр. 543.

² «Le Bouddhisme est à la mode; on en parle beaucoup, on ne le connaît pas». H. O l d e n b e r g. Le Bouddha sa vie, sa doctrine, sa communauté. Paris, 1894, p. V.

³ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, 1851—1864 гг. СПб., 1905, стр. 66—67.

⁴ В это время в С.-Петерб. ун-те было лишь Отделение восточных языков.

⁵ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 67.

подготовку студентов, способных по окончании курса занять не только должности переводчиков, но и дипломатические и административные посты в учреждениях, связанных с восточными странами.

Спустя много лет после создания Восточного факультета он писал в статье «О преподавании восточных языков»: «...Восточный факультет скромно продолжал служение на пользу государства, насколько ему позволяли средства, образовывая внутри себя собственных ученых для занятия кафедр; он мало-помалу наполнял и наши дипломатические миссии в Азии: многие консулы, драгоманы, даже резиденты и посланники считаются получившими ученые степени в нашем Университете»¹.

Вместе с тем В. П. Васильеву приходилось постоянно вести борьбу против недооценки значения изучения народов Востока. В той же статье «О преподавании восточных языков» он с возмущением писал: «Пошли новые, странные веяния, смешивающие понятия; об руку с классицизмом возвысилось и значение реальных наук, однако же не признававших реальности за восточными языками как будто изучение какой-нибудь плотицы или медузы возвышеннее и благороднее, чем знание языка, литературы и истории народа живого, действующего, чувствующего»².

Стремление добиться расширения изучения языков, литературы и истории «живых, действующих и чувствующих» народов Востока и вызывало у В. П. Васильева неоднократные заявления факультету и ректору о необходимости изучения тибетского, японского, корейского и индийского языков.

Так, еще в 1875 г. В. П. Васильев поднимал вопрос о «необходимости изучения на факультете индустанского языка» (протокол № 6 заседания факультета от 30 апреля 1875 г.)³, а в 1886 г. он в печати прямо утверждал, что изучение санскрита без изучения одного из живых индийских языков невозможно. «В странное положение поставлена у нас кафедра санскритского языка, это язык такой же мертвый, как и греческий с латинским; без придачи к этой кафедре преподавания индустанских наречий ему скорее место в филологическом факультете, но знание последних становится неотложной задачей»⁴.

Борясь за расширение Восточного факультета, В. П. Васильев, будучи деканом, неизменно встречался с огромными материальными трудностями и прежде всего с недостатком

¹ «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.

² Там же.

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15564, св. 1080, 1875 г., л. 10.

⁴ «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.

денежных средств на оплату профессорско-преподавательского состава и казенных стипендий студентам.

В 1888 г. в записке, адресованной на имя «Милостивого государя Михаила Ивановича»¹, В. П. Васильев, прося о расширении факультета, писал о том, что «суммы, которые правительство расходует особо на единственный факультет, не составляют и десятой части иной Академии, управляемой вместо 600-рублевого декана, чуть не полным генералом с полными окладами и стесняющими размещение аудиторий квартирами»².

Придавая огромное значение тому факту, что Россия на Востоке на протяжении многих тысяч верст граничит с восточными странами, населенными многомиллионными народами, В. П. Васильев считал необходимым ввести преподавание восточных языков вместо классических в городах Сибири и Дальнего Востока. «Боже мой, — писал он, — может ли для всей России царствовать одна система, ну скажите на милость, не пужнее ли в Иркутске, Владивостоке или Туркестане языки соседних стран, чем мертвые?»³

Но не только вопросы расширения факультета за счет увеличения количества языков, необходимых для изучения, интересовали В. П. Васильева. Борьба за уважение восточных народов, и, следовательно, борьба за надлежащее место Восточного факультета среди других факультетов Университета была тесно связана также с борьбой против косности и реакционных взглядов некоторых профессоров Восточного факультета.

Одним из вопросов, по которому пришлось В. П. Васильеву вести борьбу на факультете, был вопрос о специализации ученого в одной области. В этом вопросе наиболее ярко проявились передовые взгляды В. П. Васильева. Исходя из того, что востоковедение, в частности китаеведение, как наука, все более расширяется и углубляется, что материалы, подлежащие изучению по языку, истории, литературе и т. д., неисчерпаемы, он первым из русских ученых предлагал ввести специализацию. Так, в 1886 г. он писал: «... Недостаточно одного профессора и для преподавания истории Востока. Только тот будет настоящим профессором, кто может пользоваться историей в ее туземных источниках, а возможно ли, чтобы нашелся

¹ М. И. Владиславлев (1840—1890) — ректор С.-Петербург. ун-та в годы 1887—1890.

² Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 27.

³ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России. «Восточное обозрение», 1886, № 8, стр. 10.

профессор, знающий все языки, преподаваемые в факультете?»¹

Через два года В. П. Васильев внес на заседании факультета (протокол № 7 от 11 мая 1890 г.) предложение о выделении специального предмета «Истории Крайнего Востока», мотивируя это тем, что никакому профессору невозможно заниматься, кроме преподавания языков, литературы, еще и преподаванием истории Крайнего Востока — Китая, Маньчжурии, Монголии, — так как «это было бы свыше всех сил какого бы то ни было профессора»². В ответ на возражения факультета, что преподавание истории Крайнего Востока должно находиться в ведении кафедры китайской словесности, В. П. Васильев выдвинул свои доводы: «1). . . Кажется вообще в высшей степени странным, что в нашем курсе Истории Востока нет истории Китая, занимающего, а еще более занимавшего своими владениями именно самый Крайний Восток и представляющего собой половину населения земного шара; 2) История Китая, действительно, с 1855 г. читалась у нас при кафедре китайской словесности и читалась им же, проф. Васильевым. Но именно это долговременное преподавание китайского языка с литературой и историей китайского народа и привело его к убеждению, что при нынешнем положении каждой части знаний, при неисчерпаемом источнике материалов, такое преподавание того и другого только мешает сосредоточению на одной отрасли»³.

Однако предложение В. П. Васильева о специализации ученого в одной области встретило бурную оппозицию со стороны ряда профессоров, из которых проф. Н. И. Веселовский⁴, преподававший на факультете историю Востока, выступал особенно рьяно. Последний в специальном письме, полном желчи и выпадов против В. П. Васильева, утверждал, что преподавать историю Китая и сопредельных стран вполне может человек, не знающий китайского языка, и что

¹ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России, стр. 8.

² ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15661, св. 1085, 1890 г.

³ Там же.

⁴ Как историк Востока Н. И. Веселовский не продвинул русскую науку. Он не владел западными языками и «не усвоил и восточных языков в той степени, в какой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий по первоисточникам» (В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и истории русской науки. ЗВРАО, т. 25, стр. 343—344) и поэтому «был вынужден обращаться к помощи представителей лингвистических специальностей» (там же, стр. 344). «Его университетские лекции не принадлежали к числу тех, которыми могут увлекаться студенты» (там же, стр. 353).

из китайских источников ничего нельзя почерпнуть, а китайские историки вообще «чрезвычайно бестолковы»¹.

К сожалению, вполне правильная идея В. П. Васильева не нашла тогда поддержки на факультете и была отклонена по формальным мотивам, тем самым затормозив на десятилетия глубокое изучение отдельных областей китаеведения учеными, которые бы являлись высокими специалистами в той или иной области.

Исключительно велика была роль В. П. Васильева как преподавателя и составителя учебных пособий для студентов, изучавших китайский и маньчжурский языки.

Если учесть, что ни в Казанском, ни тем более, в Петербургском (до организации Восточного факультета) университетах по этим языкам не существовало каких-либо учебных пособий, кроме китайской грамматики, составленной Бичуриным, то мы поймем, какую огромную работу проделал В. П. Васильев по составлению необходимых учебных пособий по языку, истории и литературе Китая.

Студенты Восточного факультета, не имея учебных пособий, испытывали большие трудности при изучении восточных языков. Поэтому в 1857 г. они составили и подали профессора и преподавателям «особую записку», в которой, в частности, касались вопроса об изучении маньчжурского и китайского языков. «Для еврейского, маньчжурского и китайского нет на русском ровно ничего (кроме грамматик прот. Павского и о. Иакинфа, весьма неудовлетворительных), а для последних и на других европейских языках немного»², — писали они в своей «Записке».

Не рассчитывая на то, что профессора как «высшие возделыватели науки» согласятся «посвятить себя составлению таких элементарных сочинений»³, вроде учебников по языкам, они решили силами студентов III и IV курсов создать их и лишь просили помощи профессоров.

В. П. Васильев первым горячо откликнулся на инициативу студентов. В той же «Записке» отмечалось, что студентом Цивильковым была уже закончена работа по составлению маньчжурско-русского словаря⁴, «ожидаящем издания», и велась работа по «грамматике маньчжурской, составляемой им же

¹ ГИАЛО, ф. 14, ед. хр. 15662, св. 1085, л. 160.

² Ю. Богущевский. Новое предприятие наших студентов. Сборник, издаваемый студентами имп. Петербургского ун-та. СПб., вып. 1, 1857, стр. 365.

³ Там же, стр. 367.

⁴ Этот словарь с пометками В. П. Васильева хранится в Архиве АН СССР в архивном фонде ученого.

по запискам и под руководством профессора китайской и маньчжурской словесности Васильева»¹. Но в те времена издание учебников было сопряжено с невероятными трудностями: здесь и недостаток денежных средств у университета, потому что расходы по изданию ученых трудов возлагались на самого автора; здесь и цензурный устав, державший всю печать в России в крепких тисках, не допуская в ней «произвольных умствований». Особенно в 60-е годы, годы бурного подъема революционных выступлений в России, реакция принимала все меры, чтобы сковать прогрессивную мысль. В этом отношении характерно предложение Совета университета, выполнявшего указания свыше. В предложении говорилось о том, «чтобы профессорами не было допускаемо в литографируемых ими лекциях суждений, противных основным правилам цензурного устава» (протокол № 1 заседания факультета восточных языков от 13 января 1859 г.)².

Архивные документы свидетельствуют, что на издание учебников требовались годы. Так, в 1859 г. В. П. Васильев просил пособие в 350 руб. «на издание составленной им маньчжурской хрестоматии» (протокол № 10 заседания ФВЯ от 25 сентября 1859 г.)³. В 1860 г. он уже просил «об уменьшении с меня платы за печатный лист маньчжурского текста»⁴. Об этом же он просил и в 1861 г. (протокол № 1 заседания ФВЯ от 20 января 1861 г.)⁵, и только в 1863 г. маньчжурская хрестоматия вышла из печати⁶.

В 1865 г. В. П. Васильев написал прошение о том, что, «желая отлитографировать составленные мною для руководства студентов два лексикона: китайского и маньчжурского языков⁷, я прошу покорнейше факультет исходатайствовать мне на эти издания пособие университета. По моему расчету требуется на это по крайней мере до трех сот рублей»⁸.

В 1867 г. он ходатайствовал об использовании отпущенных средств на издание маньчжурской грамматики⁹, для издания

¹ Ю. Богущевский. Указ. соч., стр. 374.

² ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15364, св. 1075, 1859 г.

³ Там же.

⁴ То же, ед. хр. 15388, св. 1074, 1860 г.

⁵ То же, ед. хр. 15452, св. 1076, 1861 г.

⁶ Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1863, 288 стр.

⁷ Маньчжурско-русский словарь вышел в 1866 г., а китайско-русский словарь — в 1867 г.

⁸ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15510, св. 1078, 1865 г.

⁹ Эта грамматика так и не была издана.

труда «Анализ китайских иероглифов»¹ и «Китайской хрестоматии»² (протокол № 10 от 20 мая 1867 г.)³.

В последующие годы он попрежнему вынужден униженно просить о материальном содействии для издания своих трудов. Поэтому не случайно в своей автобиографии В. П. Васильев писал: «При тогдашнем направлении тяжело было испрашивать средств»⁴.

Ко всем этим трудностям примешивалась еще необходимость самому переписывать для литографирования свои черновые рукописи, потому что в России в то время не было китайского шрифта. Это обстоятельство постоянно вызывало у него возмущение, и он неоднократно в своих печатных работах и рукописях, хранящихся в архиве, сетовал, что «для того, чтобы держать несколько раз корректуру или переменить набранный лист, нужно было бы переписывать всякий раз и китайские иероглифы, а этот механический труд возмутителен для работающего головой, а не рукой. . . Вот в какое положение поставлен у нас синолог, тогда как ныне и в маленьких европейских государствах печатают отлитым шрифтом»⁵.

Благодаря неутомимой энергии, огромной трудоспособности и трудолюбию В. П. Васильева были созданы необходимые учебные пособия (словари, грамматики, хрестоматии) для изучения языка, истории, географии и литературы Китая.

На этих учебниках выросло не одно поколение русских китаеведов. Да и в настоящее время китайско-русские словари построены по графической системе, созданной В. П. Васильевым.

К числу, несомненно, больших заслуг В. П. Васильева как декана Восточного факультета необходимо отнести также создание и поныне существующей специальной факультетской библиотеки, которую первоначально он предполагал создать только для студентов и «которая заключала бы в себе по несколько экземпляров всех важнейших учебных пособий к изучению языков Востока. . . Доселе таковыми руководствами снабжала наших, в большинстве случаев крайне бедных, студентов фундаментальная библиотека Университета» (протокол № 1 от 12 января 1889 г.)⁶.

¹ Часть I этого труда вышла только в 1884 г., II — в 1883—1884 гг.

² Все три части вышли в 1868 г.

³ ГИАЛО, ед. хр. 15521, св. 1078, 1867 г.

⁴ С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 152.

⁵ Архив АН СССР, ф. № 775, оп. 1, ед. хр. 18; см. также «Анализ китайских иероглифов». СПб., 1884, стр. VII.

⁶ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15656, св. 1084, 1889 г.

Стараниями В. П. Васильева библиотека постоянно пополнялась ценнейшими книгами и рукописями на восточных языках.

Одной из важных сторон, характеризовавших В. П. Васильева как профессора факультета, являлось его отношение к студентам, горячая любовь к ним¹, его стремление развить у них интерес к научной работе, привить уважение к изучаемому народу. Будучи сам трудолюбивым, он очень высоко ценил трудолюбие студентов. Так, он, как председатель испытательной комиссии восточных языков, писал 24 ноября 1890 г. о трудностях, стоящих перед студентами Восточного факультета, изучавшими, кроме четырех восточных языков, еще и другие предметы. Поэтому, «невольно удивляешься их самопожертвованию, — писал он, — невольно вызывается и требование снисходительности. Что же особенное влечет их на факультет Восточных языков кроме жажды любознательности, тем более, что есть другие факультеты, пользующиеся предпочтительным расположением общественного и даже интеллигентного мнения»². Отсюда понятна та исключительная работа, с которой он относился к подготовке своих учеников, известных китаеведов, как Сергей Георгиевский и Алексей Ивановский.

Он добился научной командировки А. Ивановского в Китай, считая, что «самобытная культура китайцев, своеобразность их социальных, нравственных и религиозных воззрений могут быть основательно поняты и изучены только в самом Китае. . .» и что «было бы, однако, совершенно несогласно с достоинством и интересами России, если бы представители ее университетских кафедр, и особенно такой важной кафедры, как кафедра китайско-маньчжурская, не изучали свой предмет самостоятельно, а только по чужим трудам и, таким образом, принуждены были бы смотреть на дело чужими глазами» (протокол № 15 от 28 октября 1888 г.)³.

Даже после окончания студентами Восточного факультета В. П. Васильев не прерывал связи со своими бывшими учениками, искренно радуясь тому, что, ведя практическую

¹ В письме от 10 XI 1884 г. П. А. Дмитриевскому, рассказывая о судьбе своих бывших учеников, В. П. Васильев писал: «Впрочем для меня все вы, мои дорогие, родные — я смотрю всегда на Вас, как на мою семью, на одну общую семью, которой от души желаю жить вечно в дружбе, поддерживать друг друга, поддерживать честь нашего факультета» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

² Материалы для истории факультета восточных языков, т. II (1865—1901). СПб., 1906, стр. 172.

³ ГИА.Ю, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15641, св. 1083, 1888 г.

работу, они продолжали свои научные занятия. В этом отношении интересна его переписка со своими воспитанниками. Так, в письме к П. А. Дмитриевскому от 10 ноября 1884 г. он писал: «Ну как я рад, что мои бывшие ученики стали понемногу подвигаться вперед. . . Что касается до Вас, то, разумеется, я горжусь Вами и какую славную работу Вы напечатали (речь идет о переводе «Записки переводчика». Отако Кигоро, СПб., 1884. — *Авт.*). . . Что вы, господа, все скромничаете, все жалуетесь, что некогда заниматься учеными предметами, а сами то и дело работаете. Я поставил себе одно в заслугу, что возбудил в Вас (неразборчивое слово. — *Авт.*) о необходимости делать больше, чем отбывать одни канцелярские, чиновничьи работы. Вы теперь находитесь должно быть в самой интересной стране не по одной только торговле. Это (неразборчивое слово. — *Авт.*) настоящий центр Китая. А чтобы взять Хубэй и Хунань тунчжи да с помощью ее и описать край, ведь в этих тунчжи много материалу; без частных монографий Китая никогда нельзя будет сделать одного общего свода, да по обстоятельному описанию одной провинции лучше судить и об остальных (надобно бы и Шуйскому написать об этом — сделать также для Фуцзяни)»¹.

Много заботы проявил В. П. Васильев в отношении материального обеспечения студентов, окончившим помогал устроиться на службу. Он часто ходатайствовал об освобождении студента от обязательства² перед тем ведомством, стипендию которого тот получал, но которое не могло обеспечить его работой, с тем чтобы иметь возможность перейти в другое ведомство, обеспечивавшее службой по специальности. Так, например, было со студентом М. Цивильковым в 1859 г. (протокол № 8 от 25 мая 1859 г.)³, И. Архиповым в 1861 г. (протокол № 11 от 31 мая 1861 г.)⁴ и др. Более того, бывали случаи, когда ученики В. П. Васильева, спустя многие годы после окончания факультета, обращались к нему за помощью. Так, в архивном фонде А. Ивановского хранится письмо бывшего ученика В. П. Васильева В. И. Цибузгина, который, оказавшись без работы, в тяжелом материальном положении, просил своего старого профессора помочь в устройстве на работу. Он писал: «Вы всегда относились участливо к своим бывшим

¹ Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9.

² При назначении стипендии студент давал расписку тому ведомству, от которого он получал стипендию, что обязуется «прослужить 6-летний срок по назначению начальства».

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15364, св. 1075, 1859 г.

⁴ Там же, ед. хр. 15452, св. 1076, 1861 г.

ученикам, то это и подало мне повод и смелость обратиться к Вашему превосходительству с просьбой оказать мне содействие в приискании в Петербурге какого-либо дела по специальности китайского языка»¹.

В. П. Васильев, получив за месяц до своей смерти это письмо, послал его А. Ивановскому с припиской: «Может быть Вы можете найти место или посоветовать что...»

Ученики В. П. Васильева не забывали своего учителя и спустя многие годы после окончания университета. Так, в 1887 г., когда отмечалось 50-летие ученой деятельности В. П. Васильева, его ученики, служившие на российской службе в далеком Китае, собрали между собой и среди русских подданных, проживавших там, 6068 рублей, которые переслали в Восточный факультет для учреждения стипендии имени «профессора и академика В. П. Васильева»².

По случаю этого юбилея В. П. Васильева воспитанник факультета П. А. Дмитриевский, служивший консулом в Ханькоу, посылая юбилейный адрес ученому, написал 14 апреля 1887 г. письмо на имя ректора университета «с просьбой поднести этот адрес глубокоуважаемому и сердечно любимому профессору в день празднования его юбилея»³.

Скромный ученый В. П. Васильев был весьма растроган таким выражением любви к нему его бывших учеников. «Не знаю, что и сказать вам за всю проделку, — писал он в письме П. А. Дмитриевскому, — которую сочинили мне вы, мои милые ученики — братья. Уж превознесли, что почти, можно сказать, разнесли. Никогда не мечтал я даже, что можно встретить от вас столько дружеских любезностей, такого выражения ко мне привязанности и право же, я чувствую душевно, что я этого не стою, и если вы так меня убедили

¹ Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 23.

² Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, стр. 202. Идея создания такой стипендии была высказана бывшим учеником В. П. Васильева И. В. Падериним. В письме от 24 апреля 1887 г. И. В. Падерин писал П. А. Дмитриевскому: «Н. С. Попов писать хотел Вам не примете ли Вы участие в подарке от бывших студентов Вас. Павл. Васильеву по случаю его юбилея в мае н. г. По моему скромному мнению, разделяемому и другими, было бы соответственно случаю, кроме подарка лично В^ю П^у, выразить нашу признательность ему общепользным делом собрания средств на стипендию имени В. П. Васильева. Мне кажется, эта мысль исполнимою: бывшие слушатели В. П. Васильева, их знакомые, ценители достоинств и заслуг В. П. Васильева, могли бы внести по мере их средств на составление капитала в 5000—7000 руб. на стипендию...» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

так расчестовали, то разве тут было одно мое достоинство: иметь дело с предостойными!»

Далее, по поводу собранной суммы на стипендию его имени, он писал: «Господи, да чем же я заслужил это. Я всегда укорял себя, что я плохой учитель, вялый заботник о своих учениках, а они-то, они-то! Вон какую штуку со мной выкинули. Ведь я не знаю ни одного профессора, которого бы так чествовали его ученики, сколько профессоров с тысячами слушателей, с великими трудами, с поразительным красноречием! А моя то горсточка, смотрите что наделала! Ну можно ли тут только благодарить всех вас, а что же другое сделать? И остается, что только благодарить, а между тем благодарить значит за мелочь, но как отплатить за любовь, за привязанность! Чтобы я ни сказал — все мало! И все-таки остается только одно русское, значит задушевное спасибо, да искренне дружеский и братский поцелуй»¹.

А. М. Позднеев в переписке с П. А. Дмитриевским ласково называл В. П. Васильева «наш патриарх»².

С не меньшим теплом отвечал Васильев и на поздравления факультета. В архиве факультета сохранилось письмо В. П. Васильева от 16 июня 1887 г. к К. Ф. Голстунскому, замещавшему его на посту декана во время пребывания ученого в Казанской губернии. В этом ответном письме³ на поздравительную телеграмму факультета по случаю 50-летия ученой и профессорской деятельности В. П. Васильев писал:

«Милостивый государь,

Многоуважаемый Константин Федорович,

Просить Вас передать только одну благодарность всем господам членам факультета за переданное Вами в телеграмме от имени его мне поздравление с 50-летней службой было бы слабым выражением того восторженного чувства, с которым я оное принял. Ведь это поздравление прислали мне не просто сослуживцы, а родные, друзья и братья; какая великая уже честь принадлежать к нашей единственной в России семье, а тут даже чувствовать, что они не чуждаются их собрата, готовы отвечать на ту горячую братскую любовь, которую он всегда к ним чувствовал. Да и как мне было не сознавать всю цену благосклонного внимания ко мне господ членов, когда они столько раз высказывали мне доверие! Но последнее такое теплое и лестное для меня приветствие заставляет меня

¹ Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9.

² Там же, ед. хр. 8.

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15640, св. 1083, 1887 г.

даже страшиться при вопросе: действительно ли я его заслуживаю; однакож уверенность в их снисходительности позволяет мне смелость просить Вас, как принять за себя, так и передать сверх невыразимую (?) благодарность всем гг. членам факультета мой братский поцелуй, приветы и рукопожатия».

18 $\frac{VI}{16}$ 87

Село Каиное

Свияж. у. Каз. губ.

Ваш покорнейший слуга
Василий Васильев

За выслугой лет В. П. Васильев мог давно уйти в отставку, но факультет, выражая свое уважение и доверие ученому, регулярно через каждые пять лет после истечения срока, единодушно оставлял его на новый срок и оставлял в должности декана.

В знак глубокого уважения к ученому факультет избрал его в почетные члены университета, которыми обычно были только самые высокопоставленные лица.

В архиве факультета сохранилась грамота, выданная В. П. Васильеву, в том, что: «Совет Императорского С.-Петербургского Университета, в заседании 18 мая 1887 года, желая выразить свое глубокое уважение к ученой и учебной деятельности заслуженного профессора С.-Петербургского Университета и Ординарного академика Императорской Академии наук Василия Павловича Васильева, избрал его в почетные члены Императорского С.-Петербургского Университета»¹.

В ответ на это избрание В. П. Васильев направил в Совет университета письмо, в котором после принесения благодарности за оказанную ему честь, он писал, что уже более 53-х лет он только и дышит университетом, что «ему только я и обязан как своим развитием, так и своею деятельностью; в каждом из моих добрых товарищей и сослуживцев я видел своего наставника, образец для руководства. . .»²

Однако, как уже отмечалось во «Введении», несмотря на почет и уважение, В. П. Васильев, вследствие созданных царским режимом невыносимых условий в Академии и препятствий со стороны засевших там ученых-иностранцев в издании трудов ученого, находился в тяжелом моральном состоянии. Он неоднократно порывался уйти из университета³, но вся-

¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

² Там же.

³ Так, в письме от 10 ноября 1884 г. П. А. Дмитриевскому В. П. Васильев, жалуясь на новый университетский устав, писал, что он «дает мне повод исполнить свою давнишнюю мечту забраться в деревню, но пока еще совестно стало бросать, не приготовив никого на свое место». К тому

кий раз факультет, «желая удержать в своей среде такого знаменитого синолога», обращался к нему «с просьбой оставаться при Университете и продолжать, насколько возможно, свою деятельность по преподаванию»¹.

И В. П. Васильев, несмотря на материальный ущерб², возраст и слабое здоровье, соглашался оставаться в Университете, заявляя, что он «будет, хотя бы и без всякого вознаграждения, но с программой на меньшее число лекций, считать за честь принадлежать к составу профессоров»³. А с сентября 1893 г., когда, согласно его прошению, В. П. Васильев был освобожден от должности декана и от преподавания, он читал уже без вознаграждения «необязательный курс для студентов всех семестров о Китае в политическом, историческом и литературном отношениях по два часа в неделю»⁴ и прекратил его за три месяца до смерти.

Если Восточный факультет был в России единственным специальным высшим востоковедным учебным центром, то В. П. Васильев был там единственным ученым и профессором, который создал первую, подлинно русскую по духу, школу китаеведов.

ШКОЛА АКАДЕМИКА В. П. ВАСИЛЬЕВА

В русском востоковедении существует мнение об отсутствии школы академика В. П. Васильева. Это мнение, высказанное в свое время академиком С. Ф. Ольденбургем⁵, академиком В. В. Бартольдом⁶ и проф. А. И. Ивановым⁷, долгое время не

же «вот беда: по одному языку нельзя будет иметь двух профессоров, так что и на китайский с маньчжурским положена одна профессура, — прежде были еще доценты, а теперь если кто хочет сделаться профессором, так должен прочесть лекции 3 года в звании приват-доцента, на жалованье которого нет определенного положения — кто же появится в нашем факультете при таких условиях» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

² По уставу Академии наук академик не мог преподавать, в противном случае с него удерживали 900 руб. из содержания по званию академика.

В связи с переменами в Университете, к которым добавилось лишение академического содержания, В. П. Васильев писал П. А. Дмитриевскому в 1887 г., что он «убежал бы», «но жаль оставить студентов» (Архив востоковедов, ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

⁴ Там же, л. 557.

⁵ С. Ф. Ольденбург. Памяти В. П. Васильева. ЗВРАО, XIII, 1900, стр. 47 и сл.

⁶ В. В. Бартольд. Исторические и географические труды Василия Павловича Васильева в сборн. «Столетие со дня рождения академика В. П. Васильева», стр. 560.

⁷ А. И. Иванов. В. П. Васильев как синолог. В том же сборнике, стр. 571.

подвергалось пересмотру и проверке. Однако тщательное изучение работ последующего поколения востоковедов дает основание утверждать, что В. П. Васильев имел не только своих учеников, но и создал школу. Однако в начале XX в., когда западноевропейская синология шагнула далеко вперед, в России не было условий для развития китаеведения, что поставило школу В. П. Васильева в такие условия, при которых она стала заметно терять прежние традиции.

«Мне не хочется, — писал Васильев, — чтобы для моего отечества пропали те выводы и те установившиеся взгляды и направление, до которых стоило добиваться великим трудом, посреди того хаоса, который встречается изучающему восток. . . Наверное изучение востока не прекратится же у нас совершенно, хотя им теперь и пренебрегают; будут продолжатели моих трудов, им легче будет, принимая в обращение мои указания, развивать, обрабатывать и поверять сказанное мной. . .»¹

Школа В. П. Васильева, как и всякая школа в науке, — это люди, воспринявшие и продолжавшие идеи и традиции своего учителя и его труды. Среди его непосредственных учеников можно назвать имена С. М. Георгиевского, А. О. Ивановского, Н. Монастырева, П. А. Дмитриевского, А. М. Позднеева, В. Я. Костылева, И. В. Подерина, Г. Ф. Смыкалова и др., не говоря уже о большом количестве практических работников, которые по окончании университета работали на дипломатическом поприще за границей, в Министерстве иностранных дел — Азиатском департаменте.

Последователей же направления работы и идей ученого, продолжателей его традиции было гораздо больше. К ним можно причислить П. С. Попова, Палладия Кафарова, З. Л. Матусовского, П. Э. Шмидта, А. В. Рудакова, проф. Н. В. Кюнера и др., а продолжая перечисление до настоящего времени, следует назвать имена проф. В. С. Колоколова и др.

Продолжая идеи В. П. Васильева, С. М. Георгиевский выступал противником тех, кто принижал значение Китая, кто видел в нем только застой и окаменелость. В своей работе «Важность изучения Китая» он писал: «Кто из читателей не знает слова китаизм? В чем уме слово это по ассоциации идей не вызывает мысли о косности, застое, неподвижности? Убеждение в том, что Китай есть историческая окаменелость, навязывается нам еще на школьной скамейке; с этим убеждением мы вступаем в жизнь и в нем укрепляемся путем чтения

¹ В. П. Васильев. Очерки истории китайской литературы, стр. 25.

книг, путем разговоров с людьми, нас окружающими. Формулу Кигай — царство застоя всякий принимает как неоспоримую. Убеждение в косности Китая почти у всех складывается на основе не собственных выводов, а подражательности. . . слепым доверием к словам некоторых ученых, снискавших известность своими специальными трудами в области синологии»¹. В этой книге С. Георгиевский, вопреки убеждениям того времени, показал, что Китай существует не как косность, а как живой организм, как страна прогрессирующая и приобретающая все больший политический вес. Он, как и В. П. Васильев, верил в великое будущее Китая.

«Убедаясь в успешности китайского прогресса и не сомневаясь в дальнейшем безостановочном росте могущества Китая, мы не только не допускаем, чтобы Срединное царство могло подпасть не эфемерному владычеству Запада или Америки, но и предвидим то время, когда всякие комбинации политических владычеств будут обуславливаться в мире соизволением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы»².

Эта идея дружбы двух великих народов высказывалась неоднократно и была характерна для большинства русских ученых-китаеведов. Тот же С. М. Георгиевский, развивая эту идею, писал: «. . . Мы питаем надежду, что русская публика, в виду и во имя мирового значения России отрешится от неосновательных, усвоенных только привычкою, взглядов и посмотрит другими глазами на обитателей Срединного царства, многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которую в будущем может обеспечить мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»³.

Такие же взгляды, как мы видели, были характерны и для В. П. Васильева.

Что касается научных трудов С. М. Георгиевского, то и здесь он развивал идеи своего учителя (правда, иногда и не соглашаясь с ним), доказательством чего могут служить его работы: «Древний период китайской истории», «Мифы и мифические воззрения китайцев», «Анализ китайской письменности» и ряд других, а также большое количество учебных пособий для университета.

А. О. Ивановский (1863—1903) также являлся прямым учеником В. П. Васильева. За свои сорок лет жизни он напи-

¹ С. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб., 1890. Предисловие.

² Там же, стр. 270—271.

³ Там же, стр. 271.

сал ряд научных трудов. Следуя своему учителю в подходе к изучению Китая, он по типу докторской диссертации В. П. Васильева «Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин», восходящей по сюжету к «Сведениям о народах, обитавших в Средней Азии» Бичурина, написал большой труд «Юньнаньские инородцы в период династии Юань, Мин и Дай-Цин», посвященный изучению национальных меньшинств юго-западного Китая. «Очерки маньчжурской литературы» были написаны по образцу «Очерков истории китайской литературы» В. П. Васильева.

Палладий Кафаров (о. Палладий) не являлся прямым учеником В. П. Васильева. Начальник XIII и XIV духовных миссий (1851—1855, 1856—1860), он, в противоположность своим предшественникам, много времени, сил и энергии посвятил изучению страны. Он, как и Н. Я. Бичурин, понимал деятельность миссии гораздо шире, нежели распространение христианства среди китайского населения. Изучив Китай, китайский народ, Палладий Кафаров с глубокой симпатией относился к нашему великому соседу — Китаю.

Им было написано большое количество трудов по различным областям китаеведения. Среди них известный китайско-русский словарь (1888) послуживший прекрасным пособием при изучении китайского языка не одному поколению китаистов, дневники за время пребывания в Китае, работы о мусульманах и христианах в Китае (1866, 1872) и ряд других.

П. С. Попов работал в основном в области дипломатической. Но он написал о Китае много работ по самым разнообразным вопросам. Так, им был составлен русско-китайский словарь (первое издание в 1896 и второе в 1900 г.). Он писал о государственном строе Китая и органах управления (1903), о китайском философе Мэн-цзы (1904), а также создал ряд учебников для преподавания в Университете (тексты, разговорники и др.).

В. П. Васильев, как и Бичурин, придавал большое значение популяризации знаний о Китае среди читателей своей страны, знаний, лишенных излишней экзотики, дававших правильное представление о стране. Он много писал о Китае в журналах, газетах. Тут были воспоминания о Пекине, отрывки из дневников, а также статьи о современных событиях в Китае.

Эта область работы В. П. Васильева, несомненно, содействовала сближению двух великих народов — русского и китайского.

Стремясь давать только правильные знания о народах Востока, Васильев 21 апреля 1865 г. написал представление

Восточному факультету С.-Петербургского университета о необходимости издания факультетского журнала¹, названного им «Азиатское обозрение». Он предлагал подробный план журнала, обосновывая необходимость его создания тем, что на Восточном факультете лежит «священная и моральная обязанность заботиться о распространении в обществе отчетливых и верных познаний о Востоке, с которым наше огромное государство находится в такой тесной связи. . .»²

Как говорилось выше, стремления В. П. Васильева популяризировать правдивые сведения о Китае были поддержаны и продолжены его учениками и последователями.

* * *

Со смертью академика В. П. Васильева в русском китаеведении наметились новые веяния, изменившие дальнейшие его пути. Эти новые веяния были связаны с усиленным развитием синологии на Западе и восприятием этого направления нашими русскими учеными-китаеведами, главой которых стал будущий академик В. М. Алексеев. Эта новая школа китаеведения, ставшая на правильный путь — путь освоения достижений западноевропейских синологов и увлеченная этим, в известной мере, предала забвению достижения русского китаеведения как в науке, так и в востоковедном образовании.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что В. П. Васильев и его ученики внесли большой вклад в науку о Китае, создав научные исследования, поднимавшие китаеведение на новую высоту, поставили перед востоковедами ряд научных задач. Стремясь не только научно исследовать страну, но и широко популяризировать знания о ней, они ставили своей целью ознакомить русский народ с богатейшим опытом китайцев в области искусства, ремесла.

Считая, что без знания языка не может быть изучена и страна, русские ученые приложили много сил и энергии к организации востоковедного образования в России, к созданию учебных пособий и т. п.

Будучи представителями прогрессивного русского востоковедения, наши ученые с большой симпатией и любовью относились не только к китайскому народу, но и к народам Востока вообще. Они считали, что богатейшая культура этих народов должна быть приобщена к мировой культуре.

¹ Вследствие отсутствия денежных средств Совет университета не поддержал эту идею.

² ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15510, св. 1078.

Деятельность русских китаеведов XIX в. способствовала взаимному ознакомлению двух великих народов и их сближению. Она была звеном, сделавшим возможной теперешнюю дружбу СССР и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Академик В. П. Васильев был крупнейшим русским китаеведом. Продолжая научные традиции Н. Я. Бичурина, В. П. Васильев был более прогрессивен во взглядах на страну, на ее народ. Он видел Китай не «в мундире» и с «церемониями»¹, что было, по словам В. Г. Белинского, свойственно Н. Я. Бичурину, а сумел увидеть китайский народ, понять его историю, язык, литературу.

В. П. Васильев, как и Н. Я. Бичурин, боролся с рутинной в науке, ломал установившиеся взгляды и вносил новые, свежие мысли (вопрос о языке, интерпретация китайской литературы, теория о происхождении китайского народа и др.). Все это и дает возможность называть его последователем Н. Я. Бичурина.

До настоящего времени В. П. Васильев был представлен в науке в основном как исследователь буддизма². Это нашло свое отражение даже в популярных статьях³. На самом деле В. П. Васильев был широко образованным филологом, внесшим много нового в различные области китаеведения. В. П. Васильев являлся представителем китаеведения, которое в те времена носило комплексный характер. Его перу принадлежат труды по языку, литературе, истории, географии Китая и идеологиям Востока. Но все эти труды основаны на глубоких филологических исследованиях и анализах.

Вот почему мы считаем, что созданное вокруг В. П. Васильева мнение о том, что он якобы является главным образом буддологом, ведет к односторонней его характеристике и забвению всех тех достижений, которые были сделаны им в остальных областях китаеведения.

В. П. Васильев — ученый с чрезвычайно сложным мировоззрением. Это составляет главную трудность в анализе его высказываний и в научных и публицистических трудах. Однако

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Собр. соч., т. XIII, стр. 156.

² Собрн. «Столетие со дня рождения акад. Василия Павловича Васильева». Пг., 1918.

³ См. статью о нем в Большой Советской Энциклопедии, изд. 1, т. 7, стр. 254—255, где В. П. Васильев представлен только как языковед и в списке его трудов превалируют буддологические сочинения, не говоря уже о ряде неточностей и неправильностей по другим вопросам, связанным с В. П. Васильевым.

нельзя дать правильной оценки китаеведению XIX в. в общей картине состояния востоковедения без тщательного анализа трудов В. П. Васильева как изданных, так и неопубликованных, без изучения его взглядов и как ученого и как публициста. Задачей настоящего времени является изучение истории русского востоковедения, что заставляет вновь и вновь обращаться к наследию В. П. Васильева и обязывает дать правильный анализ его взглядов.

Авторы настоящей статьи не считают свою работу исчерпывающей. Они сделали лишь первый шаг в этой большой и весьма нужной работе — дали сравнительно краткий обзор жизни и деятельности ученого. Эта работа должна быть продолжена и расширена на базе привлечения всех архивных материалов В. П. Васильева.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. П. ВАСИЛЬЕВА

I. Опубликованные

Язык и литература

Анализ китайских иероглифов. Составлен для руководства студентов проф. С.-Петербургского университета Васильевым. — СПб., лит. Тиблена и К^о, 1866. 94 с. (литогр.).

Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2, под. ред. А. О. Иванова. — СПб., тип. В. Безобразова, 1898, 133 с. (литогр.).

Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. Элементы китайской письменности. — СПб., печатня А. Григорьева, 1884, VII+92+7 с.

Графическая система китайских иероглифов. — Журн. М-ва нар. просв., 1856, № 12, с. 333—358 (отд. оттиск, 26 с.).

Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов. — СПб., лит. Тиблена и К^о, 1867, IV+446 с. Рец. И. И. Захаров. Прилож. I к Отчету Русск. геогр. об-ва за 1870, с. 104—109.

Записка о восточных книгах в С.-Петерб. университете. — Русск. вестник, 1857, т. XI, с. 305—343.

Записки о необходимости установления общелингвистической азбуки для фонетической транскрипции текстов. Составлена В. Васильевым, В. Радловым и К. Залеманом — СПб., изд. Акад. наук, 1888, 75 с. Рец. Н. Ф. Катанов — Вост. обозрение, 1889, № 7, с. 11.

Изучение восточных языков в России (перед.) — Голос, 1867, № 186.

Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов профессором В. П. Васильевым. Т. I. СПб., печатня М. Алисова и А. Григорьева, б. г., 162 (иероглифич. текст)+143 с. (перевод, примеч. и подстр. словарь).

Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов профессором В. П. Васильевым. Т. I. СПб., печатня М. Алисова и А. Григорьева, б. г., 162 (иероглифич. текст)+143 с. (перевод, примеч. и подстр. словарь), изд. 2. СПб., 1883, печ. Григорьева; изд. 3, 1890, типолит. Иконникова. 200 с.

Китайская хрестоматия, изданная В. П. Васильевым. Ч. II. Лунь-юй. СПб., 1868.

Китайская хрестоматия. Ч. III. Ши-цзин и часть Шу-цзин'а. СПб., 1868, лит. Ильина 18+185 с., изд. 2. СПб., 1898, тип. Безобразова и К^о. 2+301+3 с.

«Les phonétiques chinoise d'après le système graphique». ЖМНП, 1857.

Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная проф. С.-Петербур. ун-та Васильевым. — СПб., тип. Акад. наук, 1863, 288 с.

Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов. — СПб., 1866, VII+134 с. (литогр.).

Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского имп. университета В. П. Васильевым. Лист. 1. С разрешения проф. Васильева скрепил В. Ловягин. — [СПб., б. г., литогр. Иконникова, 386+1 нн. с. (литогр.)].

Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'université de St. Pétersbourg. На фр. яз. «Mélanges Asiatiques», т. II, 25 Janvier, 1856; на русск. яз. «Русский вестник», 1857, т. XI, № 18, стр. 305—343.

О необходимости распространения у нас восточного языковедения. Статья — ва. — Голос, 1867, № 273.

О новых восточных книгах (две статьи в «Mélanges Asiatiques», тт. I, II старой серии).

Об отношении китайского языка к среднеазиатским (посвящается И. П. Минаеву). — Журнал Мин-ва нар. просв., т. CXIII, 1872, отд. II, с. 82—124, отд. оттиск. — СПб., 1872; сб. Голстунского, № 3.

О преподавании восточных языков в России. — Восточное обозрение, 1886, № 7, с. 7—10; № 8, с. 8—10.

Очерк истории китайской литературы (из «Всеобщей истории литературы, издаваем. В. Ф. Коршем и К. А. Риккером»). — СПб., тип. М. М. Стасюлевич, 1880, 163 с. Изд. 2. СПб., 1885¹.

Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии. — СПб., тип. В. Безобразова и К^о, 1896, II+143 с.

Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии профессора В. П. Васильева. — СПб., печатня А. Григорьева, 1884, 125 с. (пер. Лунь-юй с примеч.).

Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева. Перевод и толкование Ши-цзина. — СПб., 1882, XI+160 с. Литогр. М. И. Алисова.

История и археология

Вопросы и сомнения — Зап. Вост. отд. Русск. археологич. об-ва, 1889, т. 4, с. 379—381. (К названию монгольской династии).

Заметки по истории и географии Китая. СПб., б. г., 227 с. (литогр. Лаппинга).

Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура. — Изв. Акад. наук, 1896, т. IV, № 4, с. 365—367.

История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. — СПб., 1857, 235 с. Зап. имп. Археолог. об-ва, 1859, XIII, с. 1—235.

¹ См. статью о В. П. Васильеве А. М. Позднеева в Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона.

История Китая. — (СПб., литогр. Лаппинга), б. г., 277 с. (вначале очерк истории, географии Китая) (литогр.).

Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо Цайдаме и Карабалгасуне. Сб. трудов Орхонской экспедиции, III. СПб., 1897, 36+23 с., III таблицы (изд. Акад. наук).

Китайские посольства в Россию. — Голос, 1878, №№ 351, 354 и 355.

К хронологии Чингиз-хана и его преемников. — Зап. Вост. отд. Русск. археолог. об-ва, 1889, т. 4, с. 375—381.

О движении магометанства в Китае. Годичн. торжеств. акт в С.-Петербургском университете 2 декабря 1867 г. — СПб., печатня А. Головина, 30+13 с. кит. текста.

О замечательной китайской монете конца X или начала XI века, приобретенной в селе Болгарах в августе 1877 г. — Изв. Об-ва истории, археол. и этногр. при Казанском ун-те, 1878, т. I, в. V, с. 122—123.

О снимке с китайской надписи, полученной Академией от российского консула в Кашгаре г. Петровского. — СПб., тип. Акад. наук, 1887, 8 с. (Донесение, читанное в заседании Ист.-филол. об-ва, 28.X 1886 г.).

Открытие Китая. Русский дневник, 1859, №№ 82—85, отд. оттиск. СПб., 1859, 48 с.

Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева с портретом автора. Изд. журнала Вестник всемирной истории. СПб., 1900, VIII+164 с.

Очерки истории японского права и судопроизводства. — Вост. обозрение, 1885, № 20.

Положение Якуб-бека в Восточном Туркестане. — Бирж. Вед., 1874, № 98 и Турк. сб., т. 77, с. 385.

Приведение в покорность монголов при начале Дацинской династии (Из «Шэн-у-цзи»). — (СПб.), тип. В. Безобразова, б. г., 32 с. (отд. оттиск из зап. имп. Русск. географ. об-ва, т. VI).

Русско-китайские трактаты. — СПб., тип. Н. Греча, 1862, 61 с. (Из «Северной пчелы», 1862, №№ 52, 54).

Россия и Ср. Азия. — Бирж. вед., 1873, № 335 1) К хрон. Чингис-хана, 2) Ц. А. и хребты гор.

Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. Исправляющего должность ординарного профессора С.-Петербургского университета Василия Васильева. — СПб., тип. В. Головина, 1863, 75 с. (Годичн. акт. С.-Петерб. ун-та за 1859 г., с. 83—157).

Статьи и заметки по текущим событиям на Востоке

Азия в 1876 г. — Новое время, 1877, № 332. Турк. сб., т. 75, с. 11.

Вей-хай-вейский вопрос. — С.-Петерб. вед., 10.IV 1898.

Восток и Запад. — Вост. обозрение, 1882, № 1, с. 2—5.

Две китайские записки о падении Кульджи. — Русск. вестник, 1872, № V, с. 130—191.

Договор России с Китаем. — Новое время, 1881, № 1014.

Известия из Китая. — Новое время, 1875, № 324.

Китай. — Голос, 1879, № 155 и 216.

Китайские банковые билеты. — Коммерч. газета, 1859, № 55. Васильев (?).

Китайский вопрос. — Голос, 1880, № 328.

Китайский прогресс. — Вост. обозрение, 1884, № 40, с. 8—9.

Китайцы — новые подданные России. — Вост. обозрение, 1884, № 2, с. 1—3.

Настоящий восточный вопрос. — Голос, 1877, № 64; 1878, № 25; 1879, № 3.

Наши отношения к Китаю. — Вост. обозрение, 1882, № 8, с. 5—7.

Новости из Китая. — Голос, 1880, №№ 91 и 114.

О нигилистах в Китае. — Новое время, 1880, № 1444; рец. см. Русское богатство, 1880, № 3, стр. 1—4.

По вопросу о железной дороге в Сибири. — ВО, 1884, № 49, с. 8—10.

Следует ли уступать Китаю Кульджу. — Новое время, 1878, № 720.

Современное положение Азии — китайский прогресс (Речь, приготовленная для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в С.-Петербургском университете). — Годовой отчет по имп. С.-Петербургскому университету за 1882 г. — СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1883, 24 с. То же. Сб. географ., топогр. и стат. ма-лов по Азии, 1884, т. 17.

Современное положение Азии и китайский прогресс (Существенное извлечение из речи, приготовленной для прочтения на акте в С.-Петербургском университете в 1883 г.). — Вост. обозрение, 1883, № 10, с. 3—5; № 11, с. 10—12; № 13, с. 9—12.

Спор между Японией и Китаем за обладание о. Лью-Кью. — Отголоски, 1880, № 33.

Тибетское дело на юридической почве. — Судебный вест., 1869, № 229 и 234. (О праве собственности на литер. произведения).

Франко-китайское столкновение. — ВО, 1884, 47, с. 1—3. Перевод Манифеста кит. богдыхана, с. 2.

Франко-китайская война. — Вост. обозрение, 1883, № 46, с. 1—2; 1884, № 36, с. 1—3; № 37, с. 2—3; № 46, с. 1—2; № 47, с. 1—3.

География

Большая карта китайских владений на кит. языке. Пекин, 1840—1850 (Указания об этой работе см. в статье А. М. Позднеева о В. П. Васильеве в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона).

Воспоминания о Пекине. — СПб., тип. Н. Греча, 1861, 43 с. (Из «Северной пчелы»), 1861.

Выписки из дневника, веденного в Пекине. — Русск. вестник, № 10, с. 145—200; № 12, с. 477—497.

Географические карты древнего Китая (составленные профессором Васильевым). — Вестник имп. Русск. географ. об-ва, 1854, кн. 2, с. 91—94. То же. — Журнал Мин-ва нар. просвещ., 1854, июнь, с. 91—94.

География Тибета. Пер. с тибетского сочинения Миньчжул-хутухты. — СПб., 1895, тип. Акад. наук, 11+95 с.

Дорожник члена государственного совета (Найдачань) Масыха в походе на север до границы. Пер. с кит. В. Васильева. — СПб., тип. В. Безобразова и К^о (1880), 7 с. (отд. оттиск из Отчета имп. Русск. геогр. об-ва за 1880 г.).

Записки о Нингуте. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1857, XII, с. 79—109.

Описание больших рек, впадающих в Амур. Перевод с китайского, сделанный под руководством В. П. Васильева студентом Цивильковым. — Вестник РГО, 1857, ч. 19, № 2, стр. 109—125. То же. — 1858, ч. 23, № 5, стр. 25—36; то же на фр. яз. в спец. изд. об-ва «Extraits de Publications de la J. J. S. de Russie en 1857—1858».

Описание Маньчжурии. — СПб., 1857, 109 с. (Зап. С.-Петерб. геогр. об-ва, кн. XII, 1857, с. 1—109).

О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии. — Вестн. Русск. геогр. об-ва, XV, 1885, с. 31—36.

По поводу путешествия Гюка. — Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 9, 1873, № 10, с. 380—381. То же — Туркест. сборник, т. 83, с. 49.

(Предложение о выборе путешественника по Китаю). — Изв. Русск. геогр. об-ва, 1889, XXV, в. III, прилож., с. 23—28.

Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях. — Журн. М-ва нар. просв., XXIII, 1852, № 2, с. 117.

Буддизм

Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1. Общее обозрение. — СПб., изд. Акад. наук, 1857, XII+353 с. Рец. I. И. Н. Березин. — Отечеств. зап., 1857, № 8, с. 104—121. 2. Его же. Журн. М-ва нар. просв., 1857, № 5, с. 1—16. 3. Добролюбов. Современник, 1858, т. 71, то же. Соч., т. 2.

Буддизм, его догматы, история и литература. Часть III. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Пер. с тибетского. — СПб., изд. Акад. наук, 1869, XXII+288 с.

Буддизм. Статья в Энцикл. словаре Березина (там же, см. статьи В. П. Васильева «Далай-лама в Тибете», «Даосизм», «Конфуцианство», «Ламаизм»).

Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. — СПб., тип. В. С. Балашева, 1873, 183 с. То же. — Журнал М-ва нар. просв., 1873, апр., с. 239—310; май, с. 29—107; июнь, с. 260—293. Рец. И. Минаев — Журн. М-ва нар. просв., т. 172, 1874, март, с. 127—148. О присуждении медали Географ. об-ву за 1870.

Буддизм и ламаизм. — Энциклопедия И. Н. Березина.

Буддизм в полном развитии по винаям. — Сб. Вост. заметки. СПб., 1895, с. 1—7.

Буддизм в Тибете. — Иллюстр. газета, 1864, № 9. То же см. № 45 ст. Н. Рязанцева. Агинский дацан.

Заметки по буддизму. — Изв. Акад. наук, V серия, 1899, № V, 10, с. 337—354; № VI, 10, с. 393—402.

О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета. — Уч. зап. Акад. наук, по 1 и 3-му отд., т. III, в. 1, 1855, с. 1—33.

Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitäts-Bibliothek zu Kazan (le 4 avril, 1856). — id. Bull. hist. phil., t. XI, p. 337—365 (Mél. asiat., t. II, p. 347—386).

Публицистика

Современные вопросы. — СПб., 1875 (уничтожено цензурой).

Три вопроса. — Улучшение сельской общины. Ассигнация — деньги. Чему и как учиться. Изд. 2, 1878, III+156 стр. (Первое издание запрещено цензурой). Рец. Голос, 1878, № 189; Дело, 1878, № 7, стр. 348—355; Неделя, 1878, № 33 (статья «Наболевшие вопросы», 1878, т. 239 (т. 68), № 8, стр. 227—239).

Автобиография и дневники

Автобиография. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, С. А. Венгера, т. IV, отд. II, стр. 149—155.

Воспоминание о Пекине. Северная пчела, 1861, № 6 и отд. отиск. СПб., 1861, 43 стр.

Выписки из дневника, веденного в Пекине. Русский Вестник, 1857, т. IX, №№ 10 и 12, стр. 145—200 и 477—497.

Отзывы о трудах и рецензии

Д. Банзаров, ориенталист 1896 г. Критико-биографический словарь С. А. Венгера, вып. 23, стр. 85—90.

Возражения на замечания (помещ. в С.-Петерб. вед., № 278, от 9.X 1869), С.-Петерб. вед., 10.XII 1869.

Воспоминание об И. И. Захарове. — СПб., 1885, 19 с. (отд. оттиск из журн. М-ва нар. просв., 1885).

«За и против». Письмо к редактору (полемика с Шифнером). — Голос, 1869, 27.IX, с. 2. Замечание на его статью см. С.-Петерб. ведомости, № 278, 1869, 9.X.

Китайский вопрос (по поводу сочинения г. Мартенса). — Новое время, 1880, №№ 1739, 1760 и 1768.

Китайская медаль за преклонность лет и пиршества старцев. По поводу статьи Леонтьевского и замечания на нее г. Шотта. — Изв. имп. Археолог. об-ва, 1858, т. 1, в. IV, с. 217—223.

О китайской траве Муской. — Казанск. губ. ведомости, 1851, № 5, с. 563—564. То же. Библиотека для чтения, 1852, т. 113, с. 3—4.

Отзыв действительного члена В. П. Васильева о трудах Г. Н. Потанина. — Отчет. имп. Русск. географ. об-ва за 1881 г., 3 с. (есть отд. оттиск).

Отзыв о Записках переводчика Отако Кигоро 1884 г. в переводе П. А. Дмитриевского. — Отчет РГО, 1885.

Отзыв о маньчжурско-русском словаре И. И. Захарова. — Отчет РГО, 1877.

Письмо к секретарю Географического общества по поводу статьи «Кладбище Гиньских государей». — Изв. русск. геогр. об-ва, 1866, II, с. 97. Статья — Изв. геогр. об-ва, 1866, II, с. 23—31.

Рец. Песецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874—1877 гг. 2 тома. СПб., 1880, т. I, 560 с.+12 рис.; т. II, III+561—1122+4+XVIII с.+1 карта. — Отчет Русск. геогр. об-ва за 1880 год.

Рец. на книгу Нила, арх. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. — СПб., 1859, 386 с. ЖМНП, 4, 100, с. 84—104.

Рец. на статью Васильева В. П. По поводу путешествия Гюка см. стр. 334.

Рец. А. М. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. Журн. М-ва нар. просв., ч. CCIVII, отд. 2, 1888, с. 417—434.

Китайско-русский словарь. Расшир. рецензия на кит.-рус. словарь Палладия и Попова, изд. в 1888 г. — Биржевая хроника, 23 апреля.

Неразысканные работы

Переводы и извлечения из китайской гидрографии и других китайских сочинений в описании экспедиции ¹ Г. Н. Потанина. — Изв. РГО, т. III, 1883.

Голод в Китае ².

Сборник статей о Китае (на нем. яз.) ³.

¹ Работа упомянута в словаре Венгера.

² Работа упомянута у А. М. Позднеева о В. П. Васильеве в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона.

³ Упомянут в статье С. Ф. Ольденбурга. Памяти В. П. Васильева «Речь», 27.X 1910 г.

II. Неопубликованные

Язык и литература

О значении востока вообще и Китая в особенности. Вступительная лекция и. д. орд. проф. китайского языка В. П. Васильева, читанная 10 декабря 1850 г., 46 с.

Шицзин. Перевод и примечания. Го-фын. Сяо-я, Да-я. Сун. (Не хватает XIII песни Го-фын и II песни Сун. В печати имеется только Го-фын, в примечаниях к III ч. китайской хрестоматии).

И-цзин. Исследование, 22 с.

Мэн-цзы. Исследование и извлечения в переводе, 59 с.

Обширные фрагменты материалов и заметок по истории китайской литературы.

Материалы и исследования — О новой системе китайских иероглифов, называемой графической.

Лингвистические заметки и исследования.

Обширные материалы и заметки к лекциям по грамматике и синтаксису китайского языка.

Материалы к Анализу китайских иероглифов.

Материалы к китайской хрестоматии.

Энциклопедический китайско-маньчжурский справочник (имена личные и наименования географические, династические, астрономические, археологические и т. п.), расположенный по русскому алфавиту, 1713 с. (Справочник не озаглавлен. Переписывался несколькими переписчиками. Имеются добавления, сделанные рукою В. П. Васильева, например, с. 175).

Материалы и варианты к китайско-русскому словарю. Один вариант составляет почти полностью китайско-русский словарь, 350. с.

Небольшой китайско-маньчжурско-русский словарь: состав двора и управления, 23 с.

Алфавитный реестр имен тех лиц, биографии которых помещены в Па-ци-тун-чжи, в переводе Леонтьева, 7 с.

Алфавитный указатель английской транскрипции южно-китайских наречий, 81 с.

Тонический или звуковой китайско-русский терминологический словарь, сост. в 1855 г., 138 с.

Небольшой китайско-русский терминологический словарь, 39 с.

Словарь китайской скорописи (на карточках).

(206, также III, 271, VIII, I). Китайско-русский словарь синонимических эпитетов, ч. I, II, 221 лист (в перепл.). Словарь (III, 271, VIII, I) не представляет автографа В. П. Васильева, но авторство его в данном случае несомненно, так как в материалах под № III, 665, 206 содержится почти половина черновиков этой работы, написанных рукою В. П. Васильева. После смерти В. П. словарь (III, 271, VIII, I) находился на руках у сотрудника и ученика В. П., А. О. Ивановского, и перешел в АМ. в составе собрания А. О. Ивановского.

Карточки к китайско-русскому словарю.

(см. III, 484). Русско-китайско-маньчжурский лексикон, 409 с.

Материалы для маньчжурско-русского словаря (переписано не В. П. Васильевым), 9 тетр.

Маньчжурско-русский словарь Цивилькова с пометками В. П. Васильева, II с.

Материалы к маньчжурской хрестоматии.

Обширные материалы и наброски к лекциям по маньчжурской грамматике.

Материалы для тибетской хрестоматии.

Материалы для грамматики тибетского языка.

Статья об Урянхайском словаре Николая Семеновича, 19. II 1873, с. 11.

Лингвистические заметки.

Рабочие тетради (Тиб. яз.).

История Востока. Археология

Обширные материалы к работе по истории Китая.

Подгот. материалы к работе по истории трактатов и пограничных сношений с Китаем.

Замечание о Кяхтинской торговле (по соображениям Шиллинга фон-Канштадта), 21 с.

Караванная торговля, 20 с.

О торговле с Кульджей и Чугучаком, 9 с.

О народонаселении Китая. По поводу статьи И. И. Захарова в трудах Пекинской духовной миссии, т. I, 90 с.

Биография Ван-ань-ши, 26 с.

Записка о монголо-татарах (Мэн-да бэй-лу). Перевод с китайского, 24 с.

Материалы к работе «О приведении в покорность монголов. . .» (Ср. № 90 этого перечня).

Материалы к истории Пекинской духовной миссии, 12 с.

Юнь-наньский памятник, 3 с.

География Китая

Материалы к работам по географии Востока.

Извлечения из Мэн-гу ю Му-цзи. Перев. Андреевского под ред. В. П. Васильева, 4^е, 20 с.

Sur la hauteur de quelques points remarquables de territoire Chinois, par. Biot., 1840, Févr. Библиогр. заметка, 3 с.

Кульджа (из путевых заметок), 4 с.

Буддология

Дух буддийского сочинения под заглавием «Хутукту Декгеду Алтан Герельту Судур-ногодун Эркету Хаган». Диссертация на степень кандидата. Казань. 1839, 65 с.

Об основаниях буддийской философии. Диссертация на степень магистра. Казань, 1839, 86 с. (второй экз. 88 с.).

Извлечение из сочинения Сумба-Хутукту «История буддизма в Тибете», 122 с. (кроме этой рукописи-автографа, имеется два неполных списка с нее: один — 41 с. и другой — 71 с. На первом рукою В. П. Васильева выписано приведенное выше заглавие, на втором им же сделана приписка: «Едва ли нам удастся передать другие имеющиеся у нас источники по истории буддизма в Тибете. По крайней мере, прежде всего, издаю уже переписанный для меня в сокращении текст более позднего автора»).

Си-юй-цзи — Описание западных стран (Путешествие в Индию Сюань-Цзан'а). Пекин, 1845, XXXIV, 603 с. (12 тетр.).

Юэ-Цзан-чжи-цзинь. Каталог китайской трипитаки (1654). Перевод и краткий анализ каждого сочинения. Пекин, 1840—1850, 740 с. (41 тетр.)¹.

Обозрение буддийской литературы по школам: 1) Хинаяна (60 с. 3 тетр.); 2) Йогачары (27 с. 1 тетр.); 3) Мадьямики (24 с. 1 тетр.); 4) Винайя (87 с. 3 тетр.); 5) Бавья (23 с. 1 тетр.). Пекин, 1840—1850, 221 с.

Буддийский терминологический лексикон, тт. I и II. Пекин, 1843—1849, 1205 и 922 с. (Alias: буддийские догматы, изложенные в виде толкования на терминологический лексикон Mahāvvyutpatti).

Этюды по буддийской догматике (рукопись не озаглавлена и содержит в себе систематический сборник статей, выбранных из буддийского терминологического лексикона; переписана для печати рукой А. О. Ивановского), 463 с.

Переводы с китайского и тибетского позднейших философско-догматических буддийских трактатов: 1) Бо-лунь (Catacāstra) Арьядевы и Васу (1188), 38 с.; 2) и 3) Сокращение Абидарм (Abhidharmāvattara, 1291), и О материи (Pancavastuvibhāṣā? 1283), Дармоттары, Толкование Васумитры, перевод Сюань-цзана, 46 с.; 4) Обзор Махаяны (?), 32 с.; 5) Критика Хинаяны (?), 10 с.; 6) Руководство к медитации, 64 с.; 7) О созерцаниях, 37 с.²; 8) О происхождении Чакравртинов, 24 с. (всего 251 с.) (все перечисленные работы не только не представляют, как обычно, автографов В. П. Васильева, но и правлены не его рукой. Возможно поэтому, что и самые переводы принадлежат другому автору: и стиль, и приемы работы, и степень отделанности этих переводов резко отличаются их от всех других работ В. П. Васильева, в особенности пекинского периода. Возможно, впрочем, что мы имеем здесь дело с переписанными и отделанными впоследствии рукой одного из учеников В. П. Васильева рукописями его собственных работ, подлинники которых утрачены).

Оглавление к буддийскому терминологическому лексикону Фань и мин и цзи³, 4 с.

Подготовительные материалы к истории буддизма в Индии, Даранаты (ср. № 4 настоящего перечня).

Цзи-гуй (Винайя?). Перевод, 158 с.

Материалы для биографии Цзонкавы (по монгольским и тибетским источникам), 40 с.

О 18 сектах. Из собрания Васумитры (?). Перевод с тибетского, 12 с.

Материалы для обзора буддийской догматической литературы по тибетским и монгольским источникам, 20 тетр.

Отзыв о двух диссертациях на тему «О судьбах буддизма в пределах Средней Азии и пр.», 12 с.

О забайкальском ламстве, 12 с.

О буддийском календаре, 8 с.

Путешествие Сун-цзюня по Тибету, 7 с.

Падма Готанг, знаменитый тибетский заклинатель, 6 с.

Обширные разрозненные материалы к изданным работам по буддизму, а также фрагменты неопубликованных заметок и работ в этой области.

¹ См. материалы по ист. кит. лит. Приложение, стр. 222.

² Заглавия и санскритские эквиваленты, в подлинниках отсутствующие, даны М. И. Тубянским.

³ См. Мат. по ист. кит. лит., прил., стр. 222.

Библиографические труды

Обширные материалы с библиографическими обзорами и перечнями восточных книг.

Рецензии, отзывы

По поводу статьи «Маги и Мидийские каганы» в Чт. в общ. ист. и древн. при Моск. ун-те, 1860, кн. 2. — 1860, 5 с.

Рецензия на *Recherches sur l'origine, l'histoire et la constitution des ordres religieux dans l'empire Chinois* Bazin'a, *Journ. Asiat.*, Août 1880, 9.

Статья об экспедиции Сосновского-Пясецкого, 1880, 9 с.

Рецензия на русско-китайский словарь П. С. Попова, 4 с.

Записки в Геогр. общ. по поводу путешествия И. П. Минаева в Индию в 1874 г. (См. П. П. Семенов. История полувековой деятельности РГО, 1896, т. I, стр. 944—945).

Организационные вопросы востоковедения

Программы преподавания китайского языка, истории и литературы по разряду восточной словесности, 1851—1852, 4 с.

Заметки о восточном факультете, 9 с.

Мнение о приемных экзаменах, представленное Совету университета, 3 с.

Программы китайского, маньчжурского и тибетского языков для студентов и оканчивающих университет, 10 с.

Записка о преподавании восточных языков, 3 с.

Докладная записка о введении преподавания японского, корейского и индустанского языков, 4 с.

Официальная переписка по делам Восточного факультета.

Публицистика

Материалы к «Современным вопросам», 22 с.

Материалы и заметки к статьям и работам публицистического характера.

Автобиография, дневники, письма

Пекинские дневники за 1840—1850. Девять тетр., без пагинации, объемом не менее 20 п. л.

Письма к Ковалевскому, Мусину-Пушкину и другим, 1840—1850.

Отчет Казанскому университету о десятилетнем пребывании в Пекине, 1950 (должен бы находиться в архиве Казанск. ун-та. См. С.-Петербург. вед. от 3 дек. 1869. — Возражение на замечания).

Тетради дневников.

Случайные записи, носящие характер отрывков из дневника.

**МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ ОБ АКАДЕМИКЕ
В. П. ВАСИЛЬЕВЕ И РАБОТ, ЕГО УПОМИНАЮЩИХ**

А лексеев, В. М. Проф. В. П. Васильев, газета «Речь», 1910 г.

А лексеев, В. М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии. Известия Российской АН. Новая серия, т. I, 1906.

А лексеев, В. М. Памяти Д. А. Пешурова. Речь 14.XI 1914 г.

Алексеев, В. М. Система китайских иероглифов, 1926.

Алексеев, В. М. Современные системы современных словарей, 1926.

Алексий, о. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской духовной миссии в г. Пекине или Бэйцзинь (в Китае, 1889).

Бартольд, В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева. Изв. Рос. Акад. наук, 1918 г.

Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского Ун-та за истекшую третью четверть века его существования. СПб., 1896, т. I, А—Л.

Богословский. Вестник, № 7, 1844. Письма Горского родным.

Богушевский. Новое предприятие наших студентов. Сборник, издаваемый студентами императорского С.-Петерб. ун-та. СПб., вып. 1, 1857.

Васильев, В. П. Природа и люди Дальнего Востока, 1906, № 19.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895, IV, ф. II.

Веселовский Н. И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1905.

Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб., 1879.

Горбачева, З. И. и Тихонов, Д. И. Из истории изучения Китая в России. Советское востоковедение, № 2, 1955.

Григорьев, В. В. Материалы по истории Восточного факультета. СПб., 1915.

За дальнейший подъем советского востоковедения. Коммунист, № 8, 1955, с. 78—87.

Избрание В. П. Васильева членом Академии наук. Восточное обозрение, 1886, № 3. Доклад на заседании 11 января в Историко-археологическом отделении.

Кара-Мурза, Г. Марксизм и буржуазная синология. Проблемы марксизма, № 3, 1931.

Когда б он знал. Русское богатство, 1860, 3, с. 1—4. По поводу статьи Васильева в Нов. времени, № 1444.

Козин, С. А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ акад. В. П. Васильева, по данным Азиатского музея Акад. наук СССР, Изв. АН СССР, 1931.

Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, 1851—1864, СПб., 1905; т. II (1865—1901). СПб., 1906; т. IV.

Мельников, П. Первый магистр монгольской словесности. Отеч. записки, т. IX, 1840. Восточное обозрение.

Никитенко, А. В. Записки и дневники. СПб., 1893, т. II.

Об источниках истории Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности (речь в коллоквиуме 7.I 1888 г.).

Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842.

Ольденбург, С. Ф. Памяти В. П. Васильева. ЗВРГО, т. I, 1900.

Памятка Азиатского музея Российской Академии наук. СПб., 1918.

Памятная книжка императорской Академии наук за 1897—1900 гг.

Позднеев, А. М. В. П. Васильев. Новое время, 1887.

Позднеев, А. М. Васильев Василий Павлович. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.

Предисловие к китайско-русскому словарю, составленному Палладием и Поповым. Пекин, 1888.

Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева (сб. статей С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и А. И. Иванова). СПб., 1918.

Т у б я н с к и й, М. И. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. Доклады Акад. наук СССР, 1927.

Я к у б о в с к и й, А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953. [О В. П. Васильеве — стр. 52—55.]
